

Своя

ноябрь 2018

журнал
Никиты Михалкова

ФОТО: БОРИС КАУФМАН/РИА НОВОСТИ

ДЕЛО БАТАЛОВА

Хороший человек —
это профессия

**Встань за веру,
Русская земля**

Какой праздник
мы отмечаем 4 ноября

**Не пророк в своем
Отечестве**

Почему Ивану Тургеневу
приходилось жить за границей

**Андрей Туполев:
«Не красиво —
не полетит»**

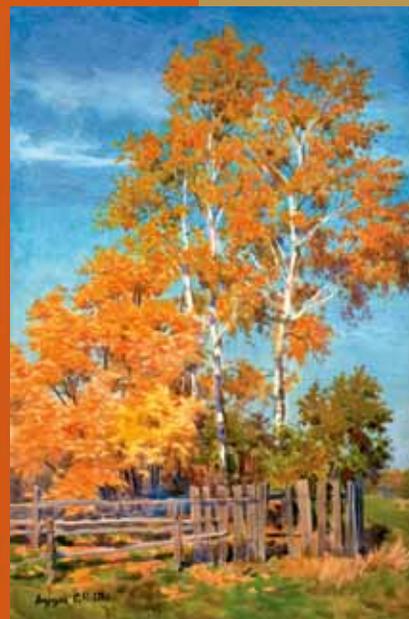
Природная красота

В Ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород» представлена тематическая экспозиция картин народного художника России, ректора Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки. Выставка, носящая название «Природа и растения России», открылась в середине сентября в рамках проводимого правительством Москвы фестиваля «Краски осени».

Всего экспонируется шесть десятков произведений, на которых запечатлены луговые травы и цветы, плоды наших садов и огородов, прекрасные виды русских местечек. Как справедливо отмечают организаторы выставки, творчество Андрияки помогает понять красоту России, неброское величие родной природы.

**Выставка продлится
до начала декабря
по адресу:
Москва, проспект Мира,
дом 26.**

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

ноябрь 2018

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Кто сеет бурю, тот пожнет смуту	28–30	Достояние
Поверженные кумиры
Александр Опекушин
и его неизвестные шедевры
3–7	Ретроспектива
Встань за веру, Русская земля	31–37	Великие реалисты
Красный конь полотно не испортил
Кузьма Петров-Водкин: авантюрист,
мистик, поэт
8–11	Символ веры
Народная Богородица
Чудо с Большой Ордынки	38–41	Страна мастеров
Андрей Туполев:
«Не красиво — не полетит»
12–15	Имена и даты	42–47	Стоп-кадр
Дело Баталова
16–19	Родное слово
Не пророк в своем Отечестве	48	Трапезная
В одежке без застежки
20–23	На семи холмах
Приходи на «Муму» посмотреть
В столице появится первый памятник
Ивану Тургеневу		
24–27	Философ о философе
Очарованный, оКАНТованный
«Личность — выше личного», —
полагал Сергей Гессен		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

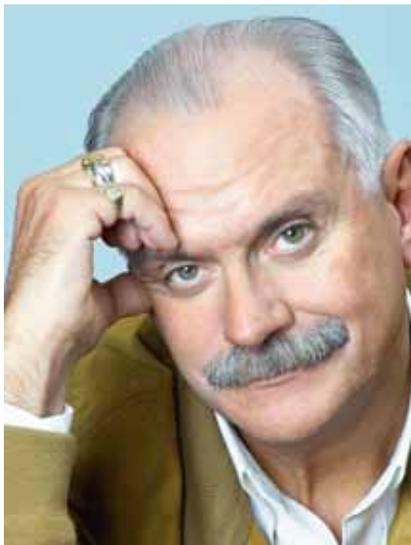
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 8127/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 15 октября 2018 г.

Кто сеет бурю, тот пожнет смуту

Одно из любимых занятий нашей интеллигенции — препарирование ключевых фактов русской истории, с замахом на пересмотр, полную или частичную ревизию. Причем увлекаются этим не только те, кто жаждет «великих потрясений», на дух не переносит «эту страну» и в любой момент готов из нее «свалить», но и те, кому нужна великая Россия, кто своей жизни без Родины не представляет. Все мы так или иначе стремимся покопаться в прошлом, сделать для себя какие-то открытия, даже если они противоречат прежним, казавшимся незыблемыми представлениям. В этом — суть природы много размышляющего русского человека. Он рефлектирует, пытается доискиваться до неких истин, время от времени спрашивает себя: «А те ли мы, за кого себя выдаем? А может быть, в чем-то правы «критики», утверждающие, что тысячелетний путь, пройденный Россией, темен, порочен и ведет в конечном счете в тупик?..»

Как-то раз мне довелось подробно ознакомиться с весьма неожиданной на тот момент версией гибели сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия. (Эта смерть и ее последствия стали, как известно, мрачной прелюдией к Смуте.) Гипотеза заинтриговала новизной «фактов», кажущейся правдивостью, стройностью в изложении событий и обстоятельств. Тогда же, недолго думая, позвонил талантливому писателю, автору замечательных исторических романов Юрию Ложицу: «Юра, потрясающая версия! Оказывается, вот как было все на самом деле!» В ответ — тишина. Я ему: «Что ты молчишь? Это же невероятно интересно». Наконец он совершенно спокойно, бесстрастно произнес: «Мне — нет». — «Почему?» — «Видишь ли, даже если это правда, то все равно я не хочу думать об этом иначе, нежели думали триста-четырееста лет мои предки». Кто-то назовет такую точку зрения «ретроградной», сошлется на достижения науки, на якобы насущную потребность разгадывать мучительные загадки далекого прошлого. Я же по этому поводу скажу: Юрий Михайлович Ложица абсолютно прав.

Не следует грубо ворошить, а затем выставлять на всеобщее поругание либо осмеяние вещи, которые в народной памяти, национальном восприятии веками считались неприкосновенными. Нельзя подвергать сомнению наши победы, доблесть героев, святость праведников, добрые, честные помыслы людей, спасавших государство в периоды страшных войн и потрясений. Когда мы начинаем относиться к подобным вещам с наплевательским пренебрежением, страна почти неизбежно погружается в очередную смуту — об этом говорит весь наш многовековой исторический опыт.

Что касается тайн прошлого, то разгадывать их, разумеется, никто не запретит. Но насколько важны эти подробности? Первым делом, как мне кажется, мы должны ответить на самые принципиальные вопросы. И если, к примеру, затрагивать тему Смутного времени, звучать они могут примерно так: «Грозил ли России утрата самостоятельности, государственности, православной веры, или такой опасности не существовало вовсе?»; «Была ли осуществлена интервенция или иноверцы пришли к русским, чтобы их осчастливить?»; «Не будь тогда народных ополчений, кто бы из нас с вами рассуждал сегодня «о судьбах Родины»?»

Не стесняйтесь 4 ноября поздравлять друг друга с праздником. Он в этот день — настоящий.

A handwritten signature in dark ink, appearing to be the name of the author or publisher.

Встань за веру, Русская земля

Праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы, приходящийся на 4 ноября, был учрежден в 1649 году царем Алексеем Михайловичем — в память о победах русского ополчения над интервентами. В последние годы Россия в это время отмечает День народного единства — торжество с глубоким и чрезвычайно важным смыслом. Всенародный патриотический порыв четыре с лишним века назад положил конец Смуте, стал началом возрождения великого государства — таков главный исторический урок.

Сергей Алдонин

Вначале был Гермоген

Что есть смута? По Далю — «общее неповиновение, раздор меж народом и властью». Фактически — социальная эпидемия, губительная атмосфера, в которой царит смущение умов, происходят «шатости и нестроения», как говаривали наши церковные писатели. Русь ослабла, утратила волю и сама себя потеряла. Даже неизвестно, что было страшнее — внутренние распри или нападение иноземных захватчиков. Страна оказалась на грани гибели. И вдруг — стала былью-явью сказка о чудной птице, восставшей из пепла: когда казалось, что все потеряно, у народа нашлись силы для сплочения и отпора врагу. И пришла победа, у которой есть имена — славных героев, возглавивших патриотическое движение против захватчиков, за веру и Отечество.

В годы безвременья и оккупации духовным стержнем народного сопротивления стал не воин, а церковный пастырь. Талантливый богослов и писатель, выдающийся миссионер, он был первым Казанским митрополитом. Про него говорили: «Муж zelo премудростью украшенный, в книжном учении изящный и в чистоте жития известный». В годы распада державы (после гибели Годуновых) Гермогена избрали патриархом. Ему уже было за 70. По меркам того времени — глубокий старик. Но во всем царстве не нашлось более твердого противника польского владычества. В декабре 1610-го интервенты, захватив-

шие Москву, пленили патриарха, заперли в подземелье, держали на хлебе и воде. Его обвиняли в том, что он рассылет по городам и весям письма с призывами бороться за веру, сражаться с оккупантами. Требовали, чтобы он отрекся от ополчения и признал польского королевича Владислава русским государем. Гермоген был непреклонен: «Что вы мне угрожаете? Боюсь одного Бога. Если все вы, литовские люди, пойдете из Московского государства, я благословлю русское ополчение идти от Москвы, если же останетесь здесь, я благословлю всех стоять против вас и помереть за Православную веру».

И непокоренная Русь услышала его голос. Пастырь, не покидая каземата, стал народным вождем. Тем, кто колебался, впадал в панику или апатию, Святейший напоминал о ценностях, за которые следует сражаться: за веру и родную землю. Он не дождал победы, умер от голода в феврале 1612-го. В это время Пожарский и Минин накапливали силы, тщательно готовились к освобождению Москвы, отрезая поляков от тылов, продовольствия.

На решающий бой русских ополченцев благословил единомышленник покойного патриарха, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий — еще один пламенный патриот, умевший подчинять своему слову души сограждан, неустанно призывавший всех ратных людей бороться с врагом, а всех имущих — помогать ополчению лептой. Будущая Лавра в те дни превратилась в огромный лазарет.

Лидерская психология

Письма Гермогена и Дионисия читал и всем ныне известный Кузьма Минин. Его называли русским Демосфеном, и по праву. Нижегородский купец среднего достатка, он был отменным оратором. Речи Минина, изменили ход истории, придали Второму ополчению нужную тональность, а точнее, сделали его непобедимым. Кузьма Минин неплохо разбирался в массовой психологии, говорил о поруганных святынях, об угрозе порабощения. Призывал действовать всем миром. При этом не заискивал перед аудиторией, не обещал легких побед. Предъявлял жесткие требования к каждому. Предприниматель-трибун сделал ставку на ответственный, деятельный патриотизм, и это нашло отклик в сердцах соотечественников. Рядом с Мининым разобщенные люди превращались в национальное движение, в народ, готовый действовать. Ершистые, степенные сподвижники признали в Кузьме предводителя, быстро научились подчиняться ему. Он распоряжался казной, вел трудное хозяйство ратников, а заодно налаживал связи с местным населением во всех городах и селах. Пресекал крамолу. Выжигал смуту.

Минин стал влиятельнейшей фигурой в «Совете всея Земли», который до установления законной власти фактически являлся правительством страны. В вольном ополчении, да еще и в Смутное время, невозможно быстро и надежно наладить армейскую дисциплину. Строгий, суровый вожак из купцов делал в этом смысле максимум возможного. По его биографии в пору изучать психологию лидерства. Это он жестко потребовал от каждого отдавать на ополчение «третью деньгу» (в редких случаях — пятую; несогласных превращали в холопов, а то и вовсе лишали имущества). Во время московских сражений быв-

ший торговец показал себя истинным храбрецом, не жалел живота своего. Был верен присяге — «умереть за христианскую веру», — которую принес вместе с воинством. В кульминационный момент битвы, когда в ополчении началось дезертирство и инициативу перехватили поляки, Минин с тремя сотнями бойцов переправился через Москву-реку к лагерю Яна Ходкевича. Лихое наступление вынудило иноземцев отступить.

Любопытный факт: незадолго до смерти Дмитрий Пожарский принял монашескую схиму под именем... Косма. Нелегко отказаться от версии, что в тот момент он вспомнил своего соратника, человека, который, собственно говоря, и рекомендовал князя на должность начальника ополчения.

«Ты спас от расхищенья царство»

Он был любимым героем Гавриила Державина, восхищавшегося не только его ратными подвигами, но и великодушием, христианским смирением, столь редким для воеводы и царедворца. Пожарские — потомки Всеволода Большое Гнездо, самого могущественного из властителей Владимиро-Суздальского княжества, — исправно служили с оружием в руках трону и Отечеству. Дед полководца погиб в бою под Казанью в 1552-м. Отец отличился в сражениях долгой Ливонской войны. Боевая доблесть не принесла им состояния: древний род обеднел. Дмитрий Пожарский начал службу при царе Борисе, стал стольником.

К. МАКОВСКИЙ. «ВОЗВЗВАННИЕ МИНИНА». 1896

РЕТРОСПЕКТИВА

После присягнул Василию Шуйскому и не предавал его, хотя времена и обстоятельства были как никогда полны искушений. При царе Василии он — воевода, заметный полководец. Сражался с поляками, и неудивительно, что иноземные власти постарались лишить князя вотчин. Но Дмитрий Михайлович воспринимал их указания с презрением. При первой попытке освободить Москву от незваных гостей Пожарский получил тяжелые увечья.

В начале осени 1611-го он, израненный, отдыхал от битв в деревне Юрино, что под Нижним Новгородом. А в самом городе уже собиралось ополчение, на сходах Минин обращался к народу, вопрошал: кто возглавит войско? Патриоты сошлись на кандидатуре князя. Делегация нижегородцев во главе с архимандритом Феодосием обратилась к Дмитрию Пожарскому, и он ответил: «Рад за православную веру страдать до смерти».

В августе 1612-го гетман Ходкевич со своим отрядом и продовольствием пробивался к русской столице. Пожарский преградил ему путь у Новодевичьего монастыря. После нескольких сражений польский командир был вынужден оставить подступы к Москве.

Оголодавшие оккупанты все еще занимали Кремль и Китай-город. Из последнего поляков

выбили 1 ноября. Кремль взяли в осаду. Чужакам было предложено без боя покинуть крепость, оставить награбленные сокровища, обещано сохранить жизни. 5 ноября захватчики сдались на милость победителя. Пожарский исполнил обещание, массовой расправы не произошло. Правда, отряд полковника Струся попал к казакам Дмитрия Трубецкого, и те изрубили почти всех оккупантов... Но в целом нашему полководцу удалось умерить ожесточение.

6 ноября архимандрит Дионисий совершил молебен на Красной площади, и под звон колоколов войско во главе с Пожарским вошло в Кремль. Князю удалось организовать выборы законного государя. После воцарения Михаила Романова главного военачальника наградили не особенно щедро: возвели в бояре, пожаловали кое-какие вотчины, но не самые завидные. Дмитрий Пожарский на свои средства построил храм на Красной площади — в честь Казанской иконы Божией Матери, главной святыни ополчения. Перед нею он молился в дни московских сражений.

В его добровольном отказе от притязаний на верховную власть проявился истинно русский характер. Спас Отечество — и отошел в сторону. Державин о князе-триумфаторе писал так:

М. ФАЮСТОВ. «ИВАН СУСАНИНЪ». 2003

В. ДЕМИДОВ. «ПРЕДСМЕРТНЫЙ ПОДВИГ КНЯЗЯ М.К. ВОЛКОНСКОГО В ПАФУТЬЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ В БОРСКЕ В 1610 ГОДУ», 1842

*Царя творец и раб послушный,
Не ты ль, герой великодушный,
Пожарской, муж великий мой?
Ты спас от расхищенья царство,
Ты власть монарху утвердил,
Ты сверг любоначалств коварство,
Ты честь свою в себе сокрыл...*

В народной памяти он навсегда остался рыцарем без страха и упрека, не запятнавшим себя интригами, распрями и мародерством, но прославившим свой род победами.

Подвиг крестьянина

«Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принес и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданным», — это слова Николая Гоголя об Иване Сусанине. Свой героизм он проявил тогда, когда ополчение Минина и Пожарского уже освободило Москву от интервентов, но поляки еще искали счастья в России. Их привлекала не только пожива. Непрошенные гости надеялись на продолжение Смуты и безвластия в нашей стране, стремились не допустить всенародных выборов царя.

В феврале 1613-го польский отряд рыскал по костромской земле в поисках 16-летнего Михаила Романова и его матери, инокини Марфы. Иноверцы намеревались пленить или уничтожить реального русского претендента на престол. А может быть, хотели захватить его, чтобы требовать выкупа. По легенде, которая передавалась из поколения в поколение, будущий царь, узнав о приближении поляков, бежал из села Домнино, оказался на высел-

ках, в доме Сусанина. Крестьянин потчевал юношу хлебом и квасом, укрывал в овинной яме, забросав ее головешками и горелой ветошью. Налетевшие поляки принялись пытаться старика. Однако Михаила он не выдал. Найти Романова интервентам не удалось, не помогли даже вышколенные собаки: головешки перебивали человеческий запах. Озверевшие враги зарубили Сусанина и ускакали, а боярин выбрался из укрытия и направился в Ипатьевский монастырь.

Более известна другая трактовка событий. Поляки встретили сельского старосту Ивана Сусанина и потребовали указать путь до села. Тот успел послать в Домнино своего зятя с предписанием снарядить Мишу Романова в дорогу. Сам же повел врагов в противоположную сторону, на болота. Его пытали и казнили, но именно подвиг Сусанина позволил молодому боярину добраться до обители невредимым. Его, не отягощенного грехами Смуты, избрали царем. А вместе с тем — великую династию, на века вперед.

Крестьянин-спаситель стал символом народной опоры, на которой держится государственная власть. Ярче всех выразил эту идею Михаил Глинка. Его опера первоначально называлась по имени главного героя — «Иван Сусанин». Сюжет являлся системообразующим: человек, отдавший жизнь за царя, символизировал один из краеугольных камней будущей знаменитой (уваровской) триады. Самодержавие и православие в произведении Глинки также замечательно отражены. Премьера состоялась в декабре 1836 года, опера «Жизнь за царя» получилась истинно народной, в финальном хоре прозвучало:

*Славься, славься из рода в род,
Славься, великий наш русский народ!
Врагов, посягнувших на край родной,
Рази беспощадно могучей рукой!*

Сочиненное Егором Розеном либретто отчасти переделал в 1939-м Сергей Городецкий. Вместо царя Михаила в апофеозе появились Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. С этой музыкальной драмы традиционно начинался театральный сезон в Большом театре. Она сама стала не только классикой, но и историей. Мелодии Глинки раскрыли душу русского героя, преодолевшего Смуту и ставшего еще сильнее после грозных испытаний, выразили трагическое величие народа, который невозможно победить, когда он расправляет плечи.

На главной площади Москвы, у стен Кремля, стоит памятник Минину и Пожарскому. Неподалеку, в Александровском саду, несколько лет назад соорудили монумент патриарху Гермогену. В Костроме воздвигнут высокий каменный Сусанин. Как несменяемые часовые «вся Земли», они поставлены на все времена.

Народная богородица

Валерий Шамбаров

Православный тропарь взывает к Божией Матери: «Всех скорбящих Радосте и обидимых Заступнице...» Подобное обращение встречается нередко. Например, в Молебном каноне монаха Феостирикта — его читают при подготовке к Святому Причастию, а также при всяких бедах, напастях, в душевных тревогах — есть слова: «Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, Приятелище сирых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте, обидимых Покровительнице!..» В этом заключается чудесная сила Приснодевы — принести людям радость в ситуациях, когда надеяться, казалось бы, не на что и не на кого. Это и отразилось в названии иконы.

В ПЕРВЫЕ чудо зафиксировано в 1688 году. Вдова Евфимия Петрова Папина лежала тяжело больной целый год. Ей было совсем худо, на боку открылась незаживающая рана. Никакие средства не помогали, женщина ждала смерти, но, будучи настоящей христианкой, постоянно молилась. И как раз во время молитвы 24 октября (по старому стилю) вдруг услышала Голос: «Евфимия, отчего в страдании твоём не прибегаешь ты к общей Целительнице всех?» Она удивилась: «Где же найти мне такую Целительницу?» И из ответа поняла, что с ней говорила Сама Богородица. Пресвятая Дева велела позвать священника с этой иконой и отслужить молебен с водосвятием.

Евфимия спросила домашних и узнала, что в храме Преображения на Ордынке действительно есть искомый образ. Принесли икону, и после молебна больная исцелилась. Она была женщиной не простой, ей приходился родным братом Патриарх Московский и всея Руси Иоаким (а в описываемое время он являлся ближайшим советником юного царя Петра). Поэтому свидетельства о случившемся немедленно были задокументированы. Икона сразу была прославлена как чудотворная, написано «Сказание» о ней, составлена церковная служба, а день, когда она явила свою силу, установлен праздничным. Молва о святине быстро разлетелась среди верующих. В храм Преображения потянулись больные или попавшие в иные тяжелые

ситуации, и многие получали помощь. В результате и сам храм на Ордынке получил в народе второе название, «Скорбященский», а в честь иконы освятили один из приделов.

На иконе, что сейчас хранится в храме на Ордынке, Пресвятая Богородица представлена в полный рост, в Царской короне, с Младенцем-Спасителем на руках. Выше — изображение Отечества (древний иконографический вариант Святой Троицы). По бокам — святые угодники во главе с преподобным Сергием Радонежским. А окружает Пресвятую Деву множество простых людей со своими недугами, бедами, проблемами. И ангелы повелением Богородицы помогают всем, раздают Ее милости и благодать.

Исследователи почему-то склонны связывать происхождение иконы «Всех скорбящих Радость» с западной художественной традицией, даже приписывают авторство чудотворного образа на Ордынке Ивану Безмину, работавшему в европейском стиле, датируя его создание 1683 годом. Хотя ряд очевидных фактов противоречит подобным заключениям. Да, похоже, что икона писалась специально для этого храма (одним из святых там изображен преподобный Варлаам Хутынский — на Ордынке был придел в его честь). Но упомянутое изображение Святой Троицы — Отечества после 1667 года не употреблялось. А в 1688-м чудотворный образ был уже древним и ветхим, после

Скорбященский храм на Ордынке

ФОТО: ИРИНА ДМИТРИЕВАУТАСС

СИМВОЛ ВЕРЫ

прославления его потребовалось укреплять вставками из кипарисового дерева.

Да и сама связь с западной традицией выглядит искусственной. Обычно икону «Всех скорбящих Радость» сравнивают с картинами «Мадонна во славе» Боттичелли и Фьорентино, «Непорочное зачатие Девы Марии» Мурильо и Рубенса, «Мадонна делла Мизерикордия» Эль Греко и Сурбарана. Но на самом деле общее лишь то, что Богородица на этих произведениях изображена в полный рост. И рядом ангелы (в католической живописи больше напоминающие античных амурчиков). У Эль-Греко Она благословляет нескольких испанских грандов, у Сурбарана — монахов. Но ведь главный смысловой мотив, выделяющий икону «Всех скорбящих Радость», — толпа страждущего простонародья, тянущегося к Божией Матери и получающего от Нее блага по своей вере и молитвам. В западной традиции такого «демократизма», такого равенства перед лицом Небесных Сил не было и нет.

Гораздо ближе по смыслу и композиции — икона «Живоносный источник», пришедшая на Русь из византийских православных канонов. А предания сообщают нам о чудотворных списках образа «Всех скорбящих Радость», гораздо более древних, чем московский. Например, в больницу Киево-Печерской лавры, согласно легенде, эту икону принес правнук Ярослава Мудрого, преподобный Николай Святоша (XII век). Список в вологодской тюремной больнице, по преданию, принадлежал преподобному Игнатию Прилуцкому (XV–XVI вв.). Хотя можно предположить, что название «Всех скорбящих Радость» изначально получали разные иконы — именно за то, что Пресвятая Богородица через них давала радость скорбящим. Так, Решневская икона на Волыни, прославленная чудом исцелений в 1650 году, представляет собой копию Иверской, но местное население величает ее и служит ей как «Всех скорбящих Радость».

А духовный путь московского образа из храма на Орданке после чудесного явления стал распространяться по нашей земле. В 1710–1711 годах любимая сестра Петра I царевна Наталья, переезжая в Санкт-Петербург, заказала копию почитаемой иконы. Дальнейшие версии расходятся. Одни утверждают, что в Москве остался оригинал, а Наталья взяла список. Другие — что она увезла подлинник. Но в любом случае чудотворными стали обе иконы. Царевна поместила свой образ в домовую церковь на Шпалерной улице. Государь брал его с собой в Прутский поход против турок. Эта реликвия стала одной из первых святынь новой столицы России, получив известность многочисленными исцелениями.

Икону «Всех скорбящих Радость» очень чтила императрица Елизавета Петровна и повелела построить храм Преображения Господня и перенести в него «список царевны». А в 1768 году разразилась эпидемия

Святитель Шанхайский
и Сан-Францисский
Иоанн (Максимович)

оспы, образ носили крестным ходом для избавления от бедствия. Екатерина Великая решилась на очень рискованный по тем временам шаг. Первой в России, чтобы показать пример подданным, она приказала сделать прививку оспы себе и сыну, наследнику престола Павлу. Но перед этим Государыня отправилась помолиться к иконе «Всех скорбящих Радость». Помогала святыня и в других бедствиях, эпидемиях. Немало храмов в честь нее появилось в России после войны с Наполеоном. Ведь и скорбящих прибавилось: сколько людей были разорены вражеским нашествием, искалечены в боях, потеряли родных. И только Пресвятая Богородица могла поддержать. Утешить сирот и вдов, поднять на ноги инвалидов, дать силы отчаявшимся.

Росло и количество списков этого образа. Причем многие из них тоже становились чудотворными. Новые почитаемые иконы «Всех скорбящих Радость» появлялись в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Воронеже, Твери, Тобольске, Серпухове, Арзамасе, под Вологодой и в других местах. И, наверное, это не случайно. Пречистая Дева через Свой образ несет радость всем скорбящим. Повсюду. Стоит лишь обратиться к Ней искренне, с чистым сердцем. Она непрестанно подкрепляет слабую Веру людей новыми зримыми чудесами.

Самое известное из них случилось в 1888 году в деревне Ключки, на окраине Санкт-Петербурга. В часовню возле стекольного завода ударила молния. Вспыхнули

Кафедральный собор
в Сан-Франциско
в честь иконы Божией
Матери «Всех скорбящих
Радость»

стены, утварь. А когда пожар был потушен, обнаружили — икона «Всех скорбящих Радость» единственная не сгорела. Мало того, потемневшая от времени и копоти, она просветлела, и обновился изначальный облик. Кружку с пожертвованием молния разбила, но 12 медных монеток впечатались в икону. Доложили митрополиту, отслужили молебен, от образа стали происходить исцеления. Так появился новый вид иконы, «с грошиками». И опять отметим — Богородица явила чудо простым людям, рабочей бедноте. Приняла их более чем скромные жертвования, медные «грошики». Но и власть не осталась в стороне. В восстановленной часовне в Клочках в 1893 году молился сам царь Александр III с семьей: поклонился чуду Божией Матери и рабочим «грошиков», пожертвовал деньги на строительство каменного храма.

Куда более страшная гроза пришла десятилетия спустя, когда свергли и убили царя, отбросили Небесное заступничество. Миллионы людей погибли, ослепленные соблазнами и хищниками. Другие хлынули спасаться на чужбину. Голодные, нищие, отчаявшиеся и никому не нужные. К кому им было обращаться за помощью... Можно ли считать случайностью, что икона «Всех скорбящих Радость» пользовалась у эмигрантов особым почитанием? Храмы в ее честь освящались во Франции, Германии, Бельгии, Китае, Австралии.

В зарубежье появились свои чудотворные списки. Один из них известен в Скорбященской церкви Дома

милосердия в Харбине. Священники обнаружили, что образ обновляется, темные краски на нем просветляются. У православной общины Харбина эта икона стала одной из главных святынь. Когда к власти в Китае пришли коммунисты, храмы закрывали, всю утварь конфисковывали. Но чудотворную икону «Всех скорбящих Радость» удалось спасти. Она была доставлена в США, находится в синодальном соборе Русской православной церкви за границей.

Святитель Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн (Максимович) проповедовал, что русская эмиграция несет важнейшую духовную миссию — распространение по всему миру Православия. Причем образ «Всех скорбящих Радость» был владыке Иоанну особенно близок. Он вырос в Харьковской губернии, там почитались два чудотворных списка этой иконы, Ахтырский и Чугуевский. Потом будущий подвижник (в миру Михаил Максимович) окончил Петровский кадетский корпус в Полтаве, но и здесь в кафедральном Успенском соборе славилась чудотворная икона «Всех скорбящих Радость».

В роду Максимовича был святой, митрополит Иоанн Тобольский (Максимович). В 1926 году, уже в эмиграции в Югославии, Михаил принял монашеский постриг с именем Иоанн — в честь своего предка и Небесного покровителя. Но и св. Иоанн Тобольский служил в начале XVIII века у чудотворного Тобольского списка «Всех скорбящих Радость» (не исключено, что он и привез икону в Сибирь). А одним из последних земных свершений св. Иоанна Шанхайского стало преодоление раздоров в православной общине Сан-Франциско и завершение строительства великолепного кафедрального собора иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», где и упокоились нетленные мощи святого подвижника. А собор превратился в место паломничества людей со всего мира.

Конечно же, почитание этой иконы продолжается и в России. Хотя в периоды бурь и религиозных гонений часть святынь оказалась утраченной, другие поменяли свое местонахождение. Специалисты сбиваются со следа, какой список и куда сейчас попал. Нет даже однозначных ответов, вернулась ли в самый знаменитый Скорбященский храм на Ордынке прежняя икона или это копия? Является ли икона в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга тем самым «образом царевны Натальи» или списком с него? Хотя такие вопросы важны для историков, искусствоведов. А с духовной точки зрения эти детали несущественны. Мы молимся не краскам и доскам, а Божией Матери, подающей через икону Свою помощь и благодать. И Она по-прежнему подает. Всем нуждающимся, скорбящим, кто прибегает к Ней с покаянным сердцем, с чистой молитвой. «Надеждо ненадежных, сило беспомощных, пристанище обуреваемых, покрове напутствуемых, заступление обидимых...»

Имена и даты

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Михаил Херасков

ФОТО: ВАСИЛИЙ ЕГОРОВ/ТАСС

5 ноября

285 лет со дня рождения Михаила Хераскова

Сын переселившегося в Россию при Петре Великом валашского аристократа Матвея Хереско получил блестящее образование, был питомцем Кадетского корпуса. Литературой увлекся под влиянием поэта и драматурга Александра Сумарокова. Много лет его жизнь была связана с Московским университетом: там он заведовал библиотекой и театром, долгие годы являлся директором и куратором старейшего российского вуза.

Героическая поэма считалась вершиной литературного творчества. Михаилу Ломоносову, например, своего «Петра Великого» завершить не удалось. Херасков решил открыть новую страницу в истории отечественной словесности и создал сразу несколько поэм. Главная из них — «Россиада» (1771–1778), захватывающий рассказ о Казанском походе царя Ивана Грозного. Суть литературы Михаил Матвеевич видел в патриотическом служении. О собственной поэме Херасков говорил: «Писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших».

Он был масоном, его увлекали и мистический флер, и тяга к просвещению, свойственные вольным каменщикам в XVIII веке. Это не помешало ему написать духовный гимн православной империи «Коль славен наш Господь в Сионе». Во время гонений на масонов собрата по перу выр-

чал приближенный к трону Гавриил Державин. Для него Херасков всегда оставался великим поэтом-патриотом, «творцом бессмертной «Россиады».

8 ноября

75 лет назад был учрежден орден «Победа»

В ПЕРВОМ пункте указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года были слова: «Учредить для награждения лиц высшего командного состава Красной Армии высший военный орден «Победа». Далее утверждались статут и описание ордена. В честь его будущих кавалеров предусматривалась установка специальной мемориальной доски в Большом Кремлевском дворце. Все это говорит о том, что уже летом-осенью 1943-го руководители нашей страны нисколько не сомневались в грядущем полном и окончательном крахе фашистской Германии.

Создатель первоначального эскиза ордена — Александр Кузнецов. Государственный герб, изображенный на его рисунке, по предложению Иосифа Сталина заменили силуэтом Кремлевской стены со Спасской башней и Мавзолеем.

За время войны ордена «Победа» были удостоены 16 человек. Георгий Жуков, Александр Василевский и Сталин награждались данным орденом дважды. В числе его кавалеров было пятеро иностранцев: американец Дуайт Эйзенхауэр, британец Бернанд Монтгомери, король Румынии Михай I, поляк Михал Роля-Жимерский и югослав Иосип Броз Тито.

8 ноября

280 лет со дня рождения Матвея Казакова

СЕГО именем связана целая эпоха в московском зодчестве. Благодаря Казакову древняя столица превратилась из «большой деревни», как именovali ее жители Петербурга, в архитектурную жемчужину. Количество творений «трудолюбивого гения» не может не впечатлять — полный список его работ занимает несколько десятков страниц. С одинаковым успехом основоположник русского классицизма строил монументальные правительственные здания, оригинальные дворцы, усадьбы и храмы.

Сын бывшего крепостного крестьянина Матвей Казаков не получал заграничного образования, не учился в Академии художеств. Он окончил московскую школу князя Ухтомского, где основы архитектуры постигали по трактатам известных итальянских мастеров. Одновременно воспитанникам прививали любовь к древнерусскому зодчеству. Именно там сформировалась характерная черта стиля Казакова — сочетание европейской классики и наших национальных традиций.

Ему удавалось почти невозможное — гармонично вписывать в старые кварталы целые ансамбли. Одним из наиболее значительных творений Матвея Федоровича стало

здание Сената, талантливо включенное в комплекс кремлевских построек, прозванное за пышное убранство русским Пантеоном.

В 1786 году Казаков фактически стал главным архитектором Москвы. Своими классицистическими домами с колоннами и фронтонами он упорядочил хаос улиц Первопрестольной, подновил и несколько облагородил ее облик.

Загруженный работой зодчий как-то чудом находил время и на преподавательскую деятельность. В его доме в Златоустинском переулке много лет действовала архитектурная школа, из которой вышли многие знаменитые мастера. Учились там и три его сына — Василий, Матвей и Павел.

А составленный гениальным архитектором «Генеральный атлас Москвы» сохранил для потомков рисунки и чертежи великолепных строений, в большинстве своем погибших в пожаре 1812 года.

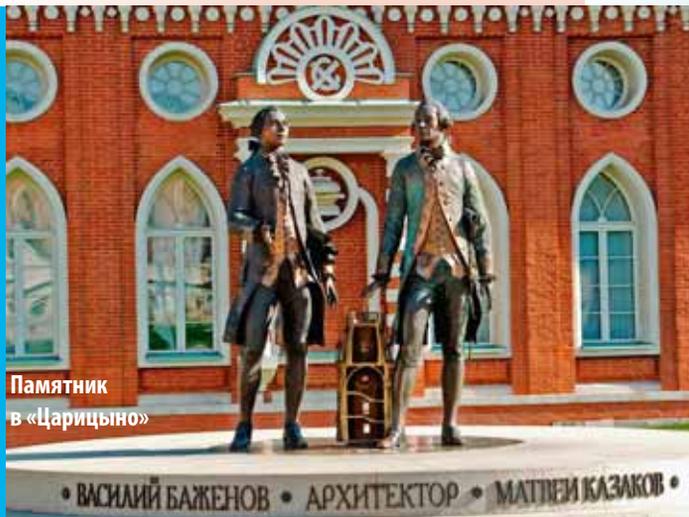
12 ноября

215 лет назад Николай Карамзин был официально назначен придворным историографом

ЕГО называют последним летописцем и первым историком России. Сам Карамзин видел свою миссию прежде всего в трудах над исправлением нравов и в распространении патриотического миро-

воззрения. Император Александр I интересовался историей и словесностью не так рьяно, как его бабушка Екатерина Великая. Но Николая Михайловича ценил — за легкий слог и благородство ума. В 1803 году была опубликована историческая повесть Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». Но главное, именно тогда он приступил к написанию многотомной «Истории государства Российского». Работу над ней продолжал до последних дней жизни. Текст рукописи XII тома обрывается на главе «Междоцарствие. 1611–1612». Историк досконально изучил все доступные в те годы русские летописи, проштудировал иностранные источники и сумел изложить события увлекательно и поучительно.

В «Истории» Карамзин проявил себя как государственный, сторонник сильной централизованной власти. Выходу каждого тома сопутствовал заслуженный читательский успех. Не случайно автора сравнивали с Колумбом. Николаю Михайловичу удалось открыть для соотечественников родную историю. И русская словесность, и историческая наука несколько десятилетий развивались в направлениях, заданных Карамзиным. После его смерти на лавры придворного историографа никто не претендовал. Оказалось, что заменить автора «Истории государства Российского», по сути, было нечем.

Памятник
в «Царицыно»

• ВАСИЛИЙ БАЖЕНОВ • АРХИТЕКТОР • МАТВЕЙ КАЗАКОВ •

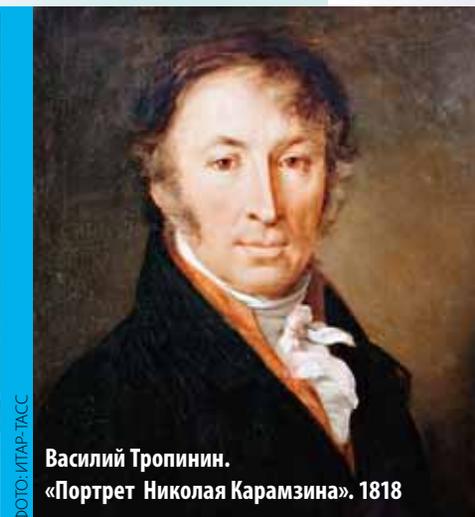

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Василий Тропинин.
«Портрет Николая Карамзина». 1818

Александр Бородин

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯТКИН/РИА НОВОСТИ

«Буран»

12 ноября

185 лет со дня рождения Александра Бородина

СДЕТСТВА у него обнаружили две страсти. Сочинять мелодии Саша начал, едва ему исполнилось девять лет, химией тоже увлекся очень рано.

Во время занятий наукой в душе у него звучала музыка, а дома, посреди беседы с друзьями-композиторами, Бородин иногда вдруг вскакивал и бежал в лабораторию.

Он автор сорока опубликованных работ, посвященных органическому синтезу. В результате опытов получил, например, первое фторорганическое соединение — фтористый бензоил.

Творческое наследие Бородина сравнительно невелико по объему, но ценности созданных произведений это не умаляет. Их отличает удивительное сочетание эпической широты и глубокого лиризма. «Музыка Бородина... возбуждает ощущение силы, бодрости, света; в ней могучее дыхание, размах, ширь, простор; в ней гармоничное здоровое чувство жизни, радость от сознания, что живешь», — отмечали современники.

Вдохновленный «Словом о полку Игореве», Александр Порфирьевич сочинял свою знаменитую оперу долгих 18 лет. Изучал исторические источники. Побывал в окрестностях древнего Путивля. Ему было важно создать соответствующие эпохе характеры — ведь либретто писал он сам, будучи еще и талантливым литератором.

Главное творение своей жизни окончить, увы, не успел. Оперу, поразившую всех монументальной цельностью образов и величием сцен, дописали по материалам Бородина Николай Римский-Корсаков и Александр Глазунов — уже после смерти композитора-ученого.

15 ноября

30 лет назад состоялся космический полет многоцветного советского корабля «Буран»

БРОСОК на орбиту отечественного челнока был первым и, увы, последним. Даже спустя десятилетия об этом уникальном ракетоплане продолжают говорить как о чуде науки и техники. Внешне похожий на известные с начала 1980-х американские

шаттлы, наш корабль по многим техническим характеристикам и возможностям их превосходил. И главное, в отличие от заокеанских конкурентов совершил свой полет (длился 205 минут) в беспилотном режиме, а при посадке даже выполнил самостоятельно беспрецедентный по сложности маневр — из-за налетевшего штормового ветра.

Проект, осуществлявшийся в СССР с 1970-х, — над его реализацией трудились тысячи предприятий и более миллиона человек, — в начале девяностых свернули по причине дороговизны и вследствие неспособности государственного руководства вывести страну из кризиса. Сотни не имевших аналогов ноу-хау, разработанных для выполнения программы «Энергия — Буран», фактически оказались невостребованными.

Самым поразительным с точки зрения дня сегодняшнего выглядит то, что уже в годы тогдашних «реформ» наши наука, образование, промышленность во всеуслышание объявлялись отсталыми, неспособными решать сложные задачи. Хотя одного только пуска «Бурана» было вполне достаточно, чтобы опровергнуть миф о западном технологическом превосходстве.

23 ноября

110 лет со дня рождения Николая Носова

ГЕРОИ его рассказов и сказок постоянно что-нибудь изобретают или совершенствуют, ведь писатель с детства увлекался техникой. Кстати, в 1943 году кинематографист Николай Носов был награжден орденом Красной Звезды — за серию учебных фильмов, с помощью которых наши солдаты осваивали полезные на войне механизмы и приспособления.

А писателем он стал совершенно случайно — сперва просто рассказывал сказки своему маленькому сынишке и его друзьям, а затем «последовательно... понял, что сочинять для детей — наилучшая работа, она требует очень много знаний и не только литературных».

Его ранние годы пришлось на тяжелое время Гражданской войны и разрухи, так что детства у Коли, по сути, и не было. Быть может, именно поэтому сказки Носова оставляют впечатление яркой, увлекательной игры, в которую автор самозабвенно

играет с юными читателями. За трилогию о Незнайке, герои которой напоминают обыкновенных мальчишек и девчонок, в 1969 году Николай Николаевич был удостоен престижной Госпремии РСФСР. Сталинскую, третьей степени, получил в 1952-м за «Витю Малеева».

«От деда у меня два главных впечатления. 1) Всегда был занят. 2) Всегда со мной играл. Или писал, или играл», — вспоминал его внук Игорь. Про него Носов сочинил «Повесть о моем друге Игоре», где размышлял о том, как растет человек. Замечательный писатель был убежден, что «к детям нужно относиться с самым большим и очень теплым уважением».

28 ноября

120 лет со дня рождения Родиона Малиновского

В ПОСЛЕДНИЕ годы жизни он писал автобиографический роман о том, как 16-летним пареньком отправился добровольцем на фронт, получил за проявленную доблесть Георгиевский крест, прошел всю Первую мировую,

закончив ее бойцом Экспедиционного корпуса во Франции, а на Родину вернулся уже в 1919-м.

По-видимому, чтобы у цензоров к Маршалу Советского Союза Малиновскому никаких вопросов не возникало, в тех мемуарах он рассказывал о себе как об Иване Варваровиче Гринько. Странное «женское» отчество не было выдуманно. Своего отца будущий полководец не знал, а когда поступил на военную службу, некий писарь записал его «Варваровичем» — по имени матери.

Воевать он умел. Конец Великой Отечественной застал в самом высоком из возможных звании (маршальские погоны получил в сентябре 1944-го). Весной 1945-го удостоился ордена «Победа» — «За освобождение территории Австрии и Венгрии». А после этого еще и довершил вместе с вверенным ему Забайкальским фронтом окружение японцев и их последующий разгром.

Один из самых выдающихся военачальников XX века, Родион Яковлевич Малиновский в течение почти десятилетия, вплоть до своей смерти, являлся министром обороны СССР.

Николай Носов

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Родион Малиновский

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: PHOTOPRESS

Не пророк в своем Отечестве

Валерий Бурт

Два столетия назад, 9 ноября 1818-го, родился всеми почитаемый прозаик Иван Сергеевич Тургенев. Его произведения, как и любая подлинная классика, несколько не устарели, просто со временем их восприятие стало несколько иным.

За Базарова ответил

Автор «Отцов и детей» ввел в обиход — и вряд ли нарочно — эвфемизм, за которым долго прятались, как за ширмой, различные разрушители традиционного миропорядка. «Нигилистами» после выхода романа те называли себя с гордостью, чуть ли не бравадой. Вспомним тот самый, «ознакомительный» фрагмент:

«— Что такое Базаров?.. Хотите, дядюшка, я вам скажу, что он, собственно, такое?

— Сделай одолжение, племянничек.

— Он нигилист...

— Нигилист, — проговорил Николай Петрович. — Это от латинского nihil, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает?

Н. ДМИТРИЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ. «И.С. ТУРГЕНЕВ НА ОХОТЕ». 1879

— Скажи: который ничего не уважает, — подхватил Павел Петрович...

— Который ко всему относится с критической точки зрения, — заметил Аркадий.

— А это не все равно? — спросил Павел Петрович.

— Нет, не все равно. Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип».

Как сам Тургенев относился к главному герою? Отчасти он ответил на этот вопрос в письме Афанасию Фету: «Хотел ли я обругать Базарова или превознести? Я этого сам не знаю, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу».

В другой тургеневской эпистоле читаем: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины вышедшая из почвы, сильная, злобная, честная, — и все-таки обреченная на гибель, — потому что она все-таки стоит в преддверии будущего».

Едва ли он мог тогда предположить, КАКОЕ БУДУЩЕЕ ожидало его страну.

Служенье муз и вселенская тоска

Тургенев был богат и талантом, и финансами, а писательство не принимал за тяжкий труд. За рабочий стол усаживался без принуждения, после свидания с Музой (иногда — во плоти). Перо бежало по бумаге резво, выстраивая ровными рядами фразы, отражающие суть предметов и явлений. Он неизменно оттачивал слог,

расцветивал его красками, насыщал светом. Тургеневские персонажи — Рудин, Инсаров, Лаврецкий, Елена Стахова и Лиза Калитина, добрый циник Базаров и несчастный Герасим (этот перечень любой поклонник классика продолжит без труда) — совершенно разные, с непохожими судьбами, однако есть между ними общее: им почти одинаково свойственны историческая достоверность, неподдельность характера, искренность душевных порывов и поступков.

Внешний облик, нрав, привычки Ивана Сергеевича так же колоритны, как и его персонажи. Тургенев был высок, статен, голову обрамляли красивые — густые, снежно-серебристые — волосы. Выглядел при этом простым и скромным человеком, как бы начисто лишенным тщеславия и самоуверенности.

Искони присущее русским мыслителям чувство, однако, скрывать не мог и не хотел. «Образ этот покрыт меланхолическим налетом, отчасти потому, что меланхолия составляла глубокую и неизгладимую особенность его темперамента», — свидетельствовал неплохо знавший писателя американский романист и драматург Генри Джеймс. А вот строки из письма Тургенева Полине Виардо: «Что за несчастный жребий — быть серединой меж крайностей! Какая-то тайная и глухая тоска, от которой я не могу избавиться и которую ничто не может рассеять». «Но наряду с меланхолией в нем было много искрящейся веселости, способности отдаваться наслаждению», — продолжает наброски психологического портрета Джеймс.

Чуткий и доброжелательный Иван Сергеевич в споры и ссоры вступал постоянно — с Герценом, Фетом, Достоевским, Гончаровым, Львом Толстым. Послед-

П. Виардо

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ний даже изъявлял желание с Тургеневым стреляться. К счастью, для них и всей мировой литературы обошлось...

Аккуратен он был безмерно, порядок в его доме поражал всех вновь прибывших: вещи лежали и стояли именно там, где их присутствие более всего уместно. Всякую полученную бумагу прочитывал и сохранял. Петр Боборыкин вспоминал на сей счет: «Не только женщинам, но и мужчинам он всегда, здоровый, на досуге, занятый или в постеле, отвечал на каждое письмо, по-европейски, иногда кратко, иногда обстоятельно, но всегда отвечал. Это в русском человеке дворянского происхождения великая редкость».

Созерцание дикой природы приводило его в блаженный восторг. Он наслаждался пением птиц, которых различал не хуже любого орнитолога. Правда, перепалы в настроении сказывались и на свежем воздухе. Однажды, когда писатель прогуливался возле пруда, его вдруг обуял неизъяснимый ужас. Собака кинулась ему в ноги, тоже, видимо, чего-то сильно испугавшись.

Рассказывать об охотничьей страсти тут, пожалуй, излишне, достаточно отметить: с ружьем за плечами классик исходил Орловскую, Тульскую, Тамбовскую, Курскую, Калужскую губернии; бродил по лесам и полям, совершенно не утомляясь. Едва товарищи останавливаются на привале, разговорятся о своем насущном, а Иван Сергеевич уже торопит: «Идемте, идемте дальше!».

«Они толпились перед ним»

Многие авторитетные для своего времени критики полагали, что Тургенев — вне конкуренции. К примеру, Николай Чернышевский, обращаясь к нему, признавал: «В настоящее время русская литература, кроме Вас и Некрасова, не имеет никого». Созвучно этой похвале мнение Александра Дружинина, находившего, что «в картинах нежных и успокоительных, меланхолически грустных и даже юношески идеальных — Тургенев возвышается так, как, может быть, никто из современных русских писателей».

Коллеги-литераторы так же скупались на словесловия. «Эти мягко-окрашенные, небольшие зарисовки, до сих пор восхищающие нас, искусно вкраплены в его прозу и больше напоминают акварели, нежели сочные, ослепительные фламандские портреты из галереи гоголевских персонажей. Особенно пестрят этими блестящими мастерства «Записки охотника», — отмечал Владимир Набоков.

Генри Джеймс считал Ивана Сергеевича своим учителем: «Я всегда с благодарностью вспоминаю замечание Ивана Тургенева, которое сам от него слышал, относительно того, как у него обычно зарождался художественный вымысел. В его воображении почти всегда сначала возникал персонаж или несколько персонажей: главных и второстепенных; они толпились

И. Тургенев играет в шахматы в парижском «Кафе де ля Режан». 1873

А. Доде, Г. Флобер, Э. Золя, И. Тургенев

перед ним, взывали к нему, интересуясь и привлекая его каждый собственными своими свойствами, собственным обликом... ему нужно было поставить их в правильные отношения — такие, где они наиболее полно раскрыли бы себя».

Комплименты его дарованию сыпались со всех сторон. Ги де Мопассан называл «великим человеком» и «гениальным романистом», Жорж Санд отвечивала благодарный поклон: «Учитель! Мы все должны пройти через Вашу школу». Проспер Мериме поделился с читателями таким наблюдением: «Г-н Тургенев старается отыскать добро всюду, где оно может быть открыто. Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах». Француз также заметил, что своих героев его русский собрат «рисует как поэт и живописец».

Большая пятерка

Возможно, ни один наш литератор не устаивался подобных похвал за границей, тем более от столь именитых собратьев по перу. Впрочем, для иностранцев Тургенев был почти своим. Крупнейшие парижские и лондонские издания в 1850–1860-е регулярно печатали свежие переводы его произведений. В ближний круг зарубежных литераторов Иван Сергеевич вошел легко и непринужденно, пленив тех умом, рассудительностью, особенностями стиля и манерой общения.

До него о нашей литературе в Старом Свете имели, в общем-то, смутное представление. Познакомившись с книгами Ивана Сергеевича, за граница была удивлена

К. ПИССАРРО. «ИТАЛЬЯНСКИЙ БУЛЬВАР. УТРО. СОЛНЧНО». 1897

и заинтригована, в западных странах возник небывалый интерес к сочинениям русских, в том числе Пушкина, Лермонтова, Гоголя. То есть Россию и Европу во многом (в самом важном?) объединил он, Тургенев.

Почему подолгу жил на чужбине? Причин тому несколько. Там было спокойнее, не досаждали критики, озабоченные тем, как бы побольше уколоть. А главное, где-то поблизости все время находилась любимая Полина. Наш классик колесил за ней по свету, прекрасно осознавая: шансы на то, чтобы соединиться, у них ничтожны. «Страдает морально так, как может страдать только человек с его воображением», — ворчливо изрек по этому поводу Лев Толстой. Не оттого ли так несчастливы многие тургеневские герои, что их создатель был несчастен в любви...

В ресторанах «Адольф и Пелле», «Вуазен», «Кафе Риш» когда-то проходили знаменитые холостяцкие «обеда пяти» — Флобера, Гонкура, Доде, Золя и Тургенева. Идея застолий принадлежала первому из названных, но ведущая роль отводилась нашему соотечественнику. «Чрезвычайно воздержанный в пище и питье, он иногда совсем не прикасался ни к чему за столом, но он находил, что это — лучшее время для разговоров, и, имея его собеседником, вы, конечно, убеждались в этом»; «Беседовали чистосердечно, без лести, без преступного сообщничества для взаимного восхваления»; «Обед талантливых людей, уважающих друг друга», — это отклики представителей великолепной пятерки.

И Бисмарк тут как тут

Была еще одна причина долгого пребывания Тургенева вдали от Родины — непростая политическая ситуация в России. В 1852 году, после публикации в «Московских ведомостях» некролога по случаю смерти Гоголя, Ивана Сергеевича объявили неблагонадежным, на месяц заключили в полицейскую часть, а затем сослали в родовое имение Спасское-Лутовиново. Долго не выпускали из страны. Позже будущий канцлер Германии

Хлодвиг Гогенлоэ встречался с ним несколько раз в Париже, а по прошествии одной из бесед записал: «Сегодня я говорил с самым умным человеком России». В дневниках этого немца есть и другая знаменательная фраза: «Князь (Бисмарк) упомянул сегодня Тургенева. Он считает, что Тургенев является самым вдохновенным из всех ныне здравствующих писателей всех народов».

В самом конце 1870-х в разговоре с Гогенлоэ его русский собеседник пытался вину за народовольческий террор отчасти возложить на правительство, полагая, что своими репрессиями, чрезмерной жестокостью оно, дескать, на подобные крайности провоцировало. Писатель уверял германца, что «нигилистические террористы» не так опасны, как их малюют: «Они ставят себе целью наказать чиновников, допускающих грубые нарушения закона и несправедливости, и тем запугать их. Царю они ничего не сделают». «Для царя было бы легко уступками привлечь на свою сторону народ и вызвать в нем по отношению к своей особе необычайный энтузиазм, — говорил Тургенев. — Однако царь, которого всегда предостерегали, что уступки привели Людовика XVI к гильотине, не хочет об этом и думать. К тому же он сделался равнодушным, он окружен лишь тесной кликой, склоняется к тому, чтобы одними и теми же мерами противодействовать как либеральному, так и радикальному движению».

Не всем великим русским классикам суждено было стать пророками. Кто-то из них смотрел на много десятилетий вперед, а кто-то ошибался в прогнозах на ближайшие годы. Тургеневские слова «царю они ничего не сделают», сказанные (если верить немцу) за пару лет до царевубийства, — сами по себе характеристика. У Ивана Сергеевича были намерения выпустить политическую брошюру, в которой он хотел объяснить ситуацию в России, но замысел не осуществился.

В результате общения с нашим писателем Гогенлоэ сделал вывод: «То, что правительству начало казаться неудобным его присутствие в России, — это понятно. Жандармский офицер на границе сказал ему, когда он проезжал: «А мы уже пять дней ждем вас».

Немецкий политик подытожил: «Если бы я был царем Александром, я поручил бы Тургеневу составить кабинет».

Незадолго до смерти Тургенев издал первую часть «Стихотворений в прозе», лирических миниатюр, как бы подводящих итог всей его жизни. В хрестоматийном тексте «Русский язык» все фразы звучат как строки заветного заклинания, и все же лишь последнее предложение воспринимается как установка на все времена: «Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

На семи холмах

Дом-музей И. Тургенева на Остоженке

Приходи на «Муму» посмотреть

Ольга Марьяновская

К 200-летию со дня рождения Ивана Тургенева в Москве приурочили два знаменательных события: после длительной реставрации вновь откроет двери для посетителей музей на Остоженке, прозванный москвичами «Домом Муму», а рядом, в Тургеневском сквере, будет установлен большой бронзовый монумент.

- Кому этот памятник?
- Пушкину.
- А-а! Это тот, который написал «Муму»?
- Нет, «Муму» Тургенев написал.
- Странно, «Муму» Тургенев написал, а памятник Пушкину поставили...

Анекдот бородатый, но в нем, как в любой шутке, есть доля правды: полноценного памятника Ивану Сергеевичу в столице до сих пор нет. Но вскоре эта несправедливость будет исправлена: на территории филиала Государственного музея А.С. Пушкина появится памятник Тургеневу. Читатели «Своего» имеют возможность ознакомиться с гипсовой копией уже сегодня.

Скульптор С. Казанцев в мастерской

НА СЕМИ ХОЛМАХ

Детство и молодость выдающегося прозаика связаны с градом на семи холмах. Тургенев жил здесь с родителями, учился в частном пансионе и на первом курсе Университета, навещал родню и знакомых, влюблялся. Впечатления тех лет, уклад жизни и типы обывателей Первопрестольной нашли отражение во многих его произведениях — от ранних рассказов до последней повести «Клара Милич».

В особняке на Остоженке с 1840-го по 1850-й проживала мать писателя Варвара Петровна. Иван Сергеевич периодически навещал ее. «Серый дом с белыми колоннами, антресолю и покрякивающим балконом» и нравы его обитателей в условиях крепостного быта подробно описаны в рассказе «Муму». Благодаря этому деревянный особняк и получил много лет спустя свое народное название.

Из воспоминаний воспитанницы помещицы Тургеновой — Варвары Житовой — стало известно: тут действительно жил привезенный из деревни глухон-

мой богатырь, дворник Андрей, с которого списан образ Герасима. Реально существовали и прототипы других персонажей. Была даже та самая собачка, которую пришлось утопить в Москве-реке. Лишь финал подлинной истории оказался иным: преданный барыне Андрей простил гибель четвероногого друга, верой и правдой служил хозяйке до конца дней ее. Натура Варвары Петровны была, судя по всему, суровой, властной, эгоистичной, именно такими чертами наделил старую барыню в известном всем и каждому произведении выдающийся автор. Наблюдая деспотичное отношение матери к дворовым людям, Тургенев еще в юности дал клятву бороться с крепостничеством, а затем обличал его в своих книгах.

В наши дни в знаменитом особняке воссозданы дворянские интерьеры середины XIX века: расписные потолки, стены с нарядными фризами, наборный дубовый паркет, старинная мебель. Вместе с тем здание оборудовано всем необходимым для удобства посетителей. Вскоре откроется 12 залов, и каждый будет посвящен своей особой теме. Один из них расскажет о доме на Остоженке (и городе в целом) тургеневских времен. Два других — о творчестве Ивана Сергеевича, акцент сделан на сочинения, созданные в Москве или описывающие Белокаменную. В парадных покоях, где когда-то жила мать писателя, представят мир хозяйки дома. На антресольном этаже, в комнатах, которые помещица отводила сыну Ивану, покажут некоторые особенности его времяпрепровождения в 1840-е. Отдельно экспозиция остановится на приеме гостей, среди которых историк Тимофей Грановский, славянофил, публицист Константин Аксаков, литератор Василий Боткин, а также революционер Михаил Бакунин и его братья Алексей и Александр. Жизнь Ивана Тургенева, как известно, оказалась поделена между Россией и Европой, и этому — дорогам и путешествиям «русского скитальца» — также посвящен отдельный зал. Рассказы посетителям и о женщинах остоженского дома,

ФОТО: PHOTOPRESS

например, вкратце осветят биографию внебрачной дочери классика Пелагеи-Полинетты.

Сотрудникам созданного в 2009 году музея удалось собрать уникальные предметы далекой эпохи. Например, департамент культуры Москвы взялся приобрести наиболее ценные вещи. Сегодня в коллекции есть более десятка ранее не опубликованных тургеневских автографов: фрагмент переписки, прежде считавшейся утраченной, с младшей дочерью Пушкина Натальей Меренберг, послания французской писательнице Жорж Санд, английскому переводчику Вильяму Рольстону и другие. В собрании имеются первые публикации сочинений Ивана Сергеевича и его многочисленные портреты. Особо примечательно одно из последних прижизненных изображений, выполненное в 1883-м Федором Бутовым — он встречался с великим литератором в Париже. Недавнее поступление — ваза для фруктов из дома в Спасском-Лутовинове. В дар музею переданы материалы и предметы, знакомящие с двоюродным братом классика Сергеем Тургеньевым, в том числе — ручной пресс для тиснения бумаги с инициалами. Московские власти приобрели на аукционе картину художника-любителя Дмитрия Татищева «Скачущий черкес», когда-то находившуюся в жилище Ивана Сергеевича в Париже. Глава департамента культуры Москвы Александр Кибовский подарил музею портрет начальника Санкт-Петербургского учебного округа Михаила Мусина-Пушкина, с чьим именем многие исследователи связывают ссылку Тургеньева в Спасское-Лутовиново.

Экспозицию дополняют содержательные мультимедийные проекты, электронные планшеты и киоски. Интерактивная карта Москвы 1842 года указывает на самые примечательные адреса, связанные с пребыванием Ивана Тургеньева.

Первый памятник классику откроется в столице 9 ноября — рядом с музеем на Остоженке. Автор монумента народный художник России Сергей Казанцев изобразил Тургеньева молодым, исполненным романтики и вдохновения. Дополнит композицию скульптура Муму, которая тоже будет установлена в сквере.

Заведующая музеем Елена Полянская рассказала, что передвижная выставка «Русский европеец Иван Тургеньев» проходит в разных европейских странах. В дни юбилея состоится Международная конференция «И.С. Тургеньев — наш современник». Вниманию публики предложена экскурсионная программа «Тургеньевская осень»: автобусно-пешеходный маршрут «День с Тургеньевым в Москве».

В ноябре начнут работать программы «Музей детям», «Урок в музее», «Московские страницы Муму». Возобновятся познавательно-игровые экскурсии для дошкольников «Новогоднее путешествие по старому дому». Являясь филиалом Государственного музея А.С. Пушкина, «Дом Муму» примет участие в акциях «Ночь в музее», «Ночь искусств», «Библионочь».

В следующем году будет отмечаться еще один юбилей: дому исполнится ровно два столетия. Его история связана не только с Тургеньевыми, их близкими и гостями, но и с множеством других выдающихся личностей. Особняк в стиле московского ампира был построен в 1819-м и долгое время сдавался в аренду. В 1826-1827 годы его снимал будущий писатель Сергей Аксаков с семьей. К нему приезжали драматург, директор Императорского московского театра Федор Кокоскин, композитор Алексей Верстовский, литератор Михаил Загоскин, актер Михаил Щепкин. Здесь квартировали тетка Пушкина Елизавета Сонцова и его лицейский товарищ Александр Бакунин. В конце 1830-х дом арендовал граф Федор Толстой «Американец», ставший прототипом для героев целой плеяды русских классиков. Три года в 1890-е — перед принятием священнического сана — здесь жил Леонид Чичагов, будущий митрополит Серафим, причисленный Русской православной церковью к лику святых как новомученик. Биографы предполагают, что бывал тут и его духовный отец, святой праведник Иоанн Кронштадтский.

Философ о философе

КОСМОПЕЙВАЗ, М. МАРТИНЕЦ

Очарованный, оКАНТованный

Юлия Мелих, доктор философских наук

Имя Сергея Гессена в нашей культуре и русской истории связано прежде всего с изданием журнала «Логос» (1910–1914). Редакционная статья для первого выпуска, написанная им совместно с Федором Степуном, вызвала огромный резонанс, являлась, по сути, дерзким вызовом, брошенным основным в то время направлениям отечественной мысли. Работой над «Логосом» и полемикой с оппонентами деятельность Сергея Иосифовича, конечно же, не ограничивалась, она была весьма разносторонней и плодотворной. Василий Зеньковский охарактеризовал ее так: «В философском творчестве Гессена мы не находим законченной системы, но все данные для этого у него налицо. Гессен, несомненно, обладает большим философским дарованием — честность мысли, законченность формулировок, постоянное тяготение к систематике понятий... все это могло бы дать настоящую систему».

Четыре плана бытия

Насчет «неполноценности», незаконченности системы, которую выстраивал философ, наверное, можно поспорить: его иерархическая концепция о четырех планах бытия — биологическом, социальном, ценностном и, наконец, Божественном — вполне могла бы претендовать на то, чтобы считаться целостной, логически завершенной. Хотя, возможно, этой масштабной мировоззренческой картине недостает нескольких завершающих штрихов.

Неокантианец Баденской школы, Гессен много сил положил на осмысление и развитие тезисов о трансцендентальности человеческой культуры, проще говоря — о том, что ее благотворные истоки находятся вне пределов досягаемости нашего опыта, где-то «там», за чертой «реальности, данной нам в ощущениях».

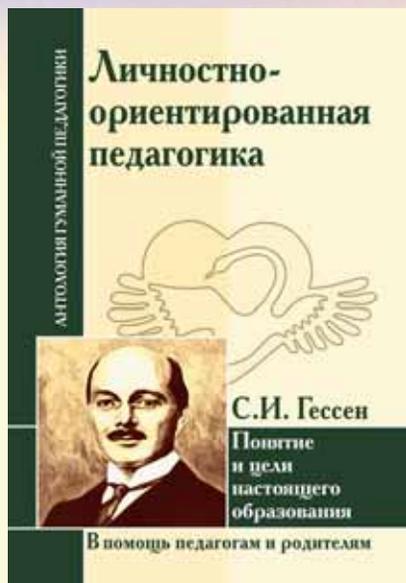
При этом хорошо знакомое материалистам диалектическое единство противоположностей в его сочинениях дает о себе знать довольно часто. Гессен виртуозно сочетал рационализм и мистицизм, социализм и либерализм, светски-гуманитарные и христианские ценности. В литературоведении, вслед за Владимиром Соловьевым, стремился подвести научно-философское основание под художественное творчество Достоевского.

Известно, что философия идет впереди любой партийной идеологии, тем более — реальной политики. И вовсе не случайно такие слова, как «вольтерьянство», «гегельянство», «ницшеанство» и им подобные, нередко употребляются для обозначения форм политического радикализма. Можно ли поставить в этот ряд кантианство? Вряд ли — оно не апеллирует к крайностям, но ставит во главу угла высокие нравственные принципы. Поэтому к философии Канта обращаются в основном такие же, как он, чуждые разрушительной стихии идеалисты.

Гессен, которого вирус марксизма в юности не миновал, переболел им на редкость быстро и уже в своем раннем творчестве принял за развить неокантианские идеи.

Главное — «Логос»

Он появился на свет в августе 1887-го, в Усть-Сысольске (с 1930-го — Сыктывкар), где отец, в недавнем прошлом студент-народоволец, отбывал административную ссылку. Родной матерью

Г. Рикерт

Памятник И. Канту в Калининграде

ФОТО: ВЛАДИМИР ФЕДОРЕНКО/РИА НОВОСТИ

будущего мыслителя была Анна Макарова, дочь местного мещанина. Однако помнил Сергей лишь свою приемную мать, Анну Штейн.

Члены семьи Гессенов некогда обрели известность как крупные хлеботорговцы Юга России, а кроме того (и даже в первую очередь), как активнейшие политические деятели, основатели партии конституционных демократов (1905), издатели журнала «Право» (1898) — по сути, печатного органа либеральной партии, а также — газеты «Речь» (1906). Отец Иосиф Владимирович и дядя Владимир Матвеевич являлись депутатами II Государственной Думы от Петербурга. Через историю этого семейства очень хорошо видны типичные для традиционной России черты преемственности.

Иосиф, в молодости бунтарь, в зрелости — либерал и конституционный демократ. Его старший сын тоже начинает как «отчаянный революционер». За посещение нелегального собрания Сергея исключают в 1905-м из Первой гимназии Санкт-Петербурга. Ее он все-таки оканчивает, причем в том же году, а затем вместе со сводным братом отправляется по воле родителя в Германию, в Гейдельберг, за «немецкой выучкой» и «надлежащим правильным образованием».

В 1909-м Гессен защищает диссертацию с высшей оценкой «*summa cum laude*» у видного неокантианца, профессора Генриха Рикерта во Фрайбурге. Тема — «Индивидуальная причинность: исследования по трансцендентальному эмпиризму». (Воспринимается как оксюморон, ибо «трансцендентальный» и «эмпирический», то есть непосредственно связанный с опытом, — суть противопоставления.) «Немецкая выучка» спасает. Молодой философ отказывается от революционной деятельности, постепенно превращаясь в авторитетного теоретика педагогики, права, социализма и либерализма.

По возвращении в Россию в 1909 году Гессен получает известность как представитель западной культуры — наряду с Федором Степуном, Борисом Яковенко, Рихардом Кронером, Георгом Мелисом. Все они, соратники по Гейдельбергу и Фрайбургу, начинают параллельное издание двуязычного международного журнала по философии культуры «Логос». Профессор Риккерт именно Гессена называет «душой предприятия». Логосовцы становятся собеседниками, а вместе с тем оппонентами Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Евгения Трубецкого, Владимира Эрна и других представителей неославянского направления. По иронии судьбы журнал, которому Эрн дал характеристику «made in Germany», прекращает свое существование в 1914 году — по причине ухода на фронт редакторов, русского офицера Степуна и добровольца Василия Сеземана.

В период социальных потрясений Сергей Иосифович сотрудничает с Георгием Плехановым и газетой «Единство», демонстрируя, по его словам, «оторванность от реальности теоретических выводов» и «абсолютно бессильную позицию». Революция оборачивается катастрофой, и в сентябре 1917-го Гессен бежит с семьей (на Нине Минор женился в Гейдельберге, у них родились два сына, Евгений и Дмитрий) в Томск, где на историко-филологическом факультете университета преподает философию и педагогику.

Вот уже несколько лет интересуюсь проблемами образования, Гессен начинает разрабатывать (отталкиваясь преимущественно от этики Канта) собственную концепцию «прикладной философии» — именно так он называет педагогику. Наконец, перебирается за границу, сначала — к отцу в Берлин, затем — в Прагу. С 1923-го по 1925-й занимает кафедру педагогики в новообразованном Русском педагогическом институте

И. Гессен среди депутатов Государственной думы

им. Я. А. Коменского, публикуется в эмигрантских журналах, международных специализированных изданиях *Slavische Rundschau* («Славянское обозрение»), *Die Erziehung* («Воспитание») и других. Выступает с докладами, является членом академических семинаров, самых разных кружков и обществ, зарабатывая тем самым на жизнь. В середине 1930-х получает приглашение занять кафедру философии воспитания в создаваемом Свободном Польском университете и в 1936 году окончательно переезжает в Польшу. Там он находит «тихую пристань», которую вплоть до своей кончины (1950) станет всюду упоминать с благодарностью.

«У него все люди ангелы»

Его научная деятельность охватывает обширные и вполне самостоятельные, на первый взгляд, сферы: теорию познания, педагогику, философию права, исследования по социализму и либерализму, литературоведение.

При более углубленном взгляде на творчество Гессена прослеживается единый, изначально заданный методологический принцип. «Будучи учеником Риккерта и, опосредованно, Канта, — пишет о себе Сергей Иосифович, — все

более развивался в направлении платонизма, стараясь разработать многоэтажную теорию реальности, увенчивающуюся теорией духовного бытия, а в дальнейшей перспективе даже визией «Царства Божия».

Целью исследований становится «поиск трансцендентальных оснований индивидуального» и в итоге — признание за ним, индивидуальным, объективности, общезначимости, причинности. Иными словами, каждый индивид изначально свободен, уникален, обладает абсолютной ценностью, познание им сущего, по Канту, начинается с эмпирии, опыта: чувственность позволяет воспринимать пространство и время, рассудок — различать и вновь устанавливать понятия, категории, а чистый от всякого опыта разум обобщает и разъясняет картину мира посредством высоких, метафизических идей.

Вслед за своим учителем Генрихом Риккертом Гессен предлагает свободный от понятийной, научной обработки уровень «действительного бытия», единичного и неповторимого. К нему неприменимы категории, оно проявляет себя тогда, когда личные переживания соотношены с абсолютными ценностями: истиной, добром, красотой, святостью. Таким обра-

зом, философия превращается в науку о смыслах и значении культуры, а изучение истории основывается не на поиске ее законов (которых, в сущности, нет), а на первостепенном внимании к знаковым, определяющим развитие общества личностям. Например, XIX век в Германии осмысливается через жизнь и творчество Гёте, а в России — через Алексея Хомякова или Александра Герцена.

Когда-то свою диссертацию во Фрайбурге Гессен завершал указанием на пределы рационального познания, за которыми начинается мир, постигаемый только мистически. В дальнейшем это позволит приступить к теоретической разработке четвертого плана бытия.

В работе «Основы педагогики» (1923) он переносит свои тезисы на вновь создаваемую «прикладную философию» (педагогику), а стержнем для этого служат его собственные представления о человеческой личности.

Те самые четыре плана — биологический, общественный, духовной культуры и благодатного бытия, по мнению Гессена, нужно изучать всем тянущимся к знаниям с детства. Хотя в «Основах...» автор обращается к первым трем, не выходя «за пределы гуманизма». Делает упор на ценностную ориентацию личности, которая «обретается только через работу над сверхличными задачами. Она создается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства». То есть провозглашается необходимость воспитания не просто творцов, создателей, производителей материальных благ, а таких людей, которые будут ставить перед собой самые высокие, поистине благородные цели.

Немалую часть его трудов занимают исследования социального плана бытия. Сергей Иосифович посвящает ряд очерков под названием «Правовое государство и

социализм» анализу неолиберальных и социалистических идей. Указывает на принципиальные изъяны, «ограниченность нового либерализма... недостаточное признание им реальности коллективных лиц», которые имеют «свою традицию, свою отличную от входящих в них лиц волю» и являются «носителями некоторой сверхличной задачи-идеи». Автор уточняет: «речь идет не о замене индивидуализма коллективизмом, а о расширении принципа индивидуализма», и определяет близкую ему по мировоззрению общественно-политическую систему как «правовой социализм».

Четвертый план — благодатного бытия — раскрывается в литературоведческих трудах. В статье «Лев Толстой как мыслитель» Гессен критикует писателя-моралиста за то, что тот «неуклонно отрицает начало личности», ее неповторимость, индивидуальность. В работе «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» последний предстает как наивный утопист, поверивший в осуществ-

вление на земле Царства Божия в процессе развития к совершенству. Свою позицию Сергей Гессен разъясняет на примере «Братьев Карамазовых», соглашаясь со старцем Зосимой в том, что Царство Божие возможно «в сущности, только в конце веков», в «ином мире», по ту сторону добра и зла. Именно Достоевский, по мнению Гессена, решает в художественной форме философскую проблему соотношения реального, духовного и Божественного — в святом старце «скрещиваются оба плана вечной и человеческой жизни».

А в собственной жизни наш мыслитель-неокантианец более всего ценил возможность заниматься наукой — независимо от местонахождения, несмотря на катастрофы, постигшие Россию и Европу, невзирая на перипетии личной судьбы. Знакомый его отца признавался: «Как я завидую Сергею Иосифовичу — у него все люди ангелы!» Именно это обстоятельство, судя по всему, помогало ему оставаться внешне невозмутимым мудрецом и «неисправимым оптимистом».

О главной задаче образования

Задача всякого образования — приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного... Всесторонне развитой человек — это не тот, у которого развиты зрение, слух, осязание, обоняние, но прежде всего тот, кто приобщился ко всем ценностям культуры, т. е. владеет методом научного мышления, понимает искусство, чувствует право, обладает хозяйственным складом деятельности.

О развитии личности

Как дисциплина возможна через свободу, а свобода — через закон долга, так и индивидуальность возможна через сверхиндивидуальное начало. И потому, если «будь свободен» означало для нас «будь самим собою», то и подлинный смысл «будь самим собою» есть — «стремись к высшему, чем ты».

Какие игры необходимы ребенку

Правило современной педагогики: организовывать игры так, чтобы дети приводили их к концу. Тогда, понемногу усложняясь, игра будет постепенно приучать их ставить все более и более отдаленные и устойчивые цели своей деятельности и тем самым, незаметно для самого ребенка, перейдет в работу.

Сергей Гессен, «Основы педагогики», 1923

Поверженные кумиры

Юлия Кудрина, доктор исторических наук

В 1918 году Совнарком распорядился снести все памятники, «воздвигнутые в честь царей и их слуг». К примеру, в Костроме, когда сносили колонну с бюстом царя Михаила Федоровича Романова, не пожалели и бронзовую фигуру Ивана Сусанина, которая являлась частью композиции. Особенно досталось изображениям царя-освободителя Александра II.

В КОНЦЕ XIX века убитый террористами государь очень многими воспринимался как правитель, даровавший свободу. Императору были искренне благодарны и целые народы, и бесчисленные представители разных социальных страт: болгары, избавленные от османского гнета, финны, получившие для своего языка статус государственного, немалая часть русских мужиков — из тех, кто сумел стать не просто свободными, но и довольно зажиточными.

Примечательно, что более десятка монументов, посвященных самодержцу, создал сын крепостного крестьянина Александр Опекушин. Александр Михайлович родился 28 ноября 1838 года, в деревне Свечкино Даниловского уезда Ярославской губернии. У него рано обнаружились способности к творчеству, и артель лепщиков, где он работал, собрала необходимые средства для его обучения. С разрешения помещицы талантливого юношу отправили на учебу в Санкт-Петербург. Опекушин поступил в Рисовальную школу Общества поощрения художеств, которую блестяще окончил за два года. Продолжил образование в петербургской мастерской скульптора Давида Йенсена. В возрасте 21 года выкупился — получил вольную и стал учеником Императорской академии художеств. В 1862-м Совет Академии удостоил

его Малой серебряной медали за барельеф «Ангелы, возвещающие пастухам Рождество Христово». В том же году под руководством Михаила Микешина участвовал в работе над памятником «Тысячелетие России». Фигура Петра I, выполненная Опекушиным, оказалась одной из самых удачных (с Микешиным скульптор работал и над памятником Екатерине II в Петербурге). В 1864-м награжден второй серебряной медалью Академии. В 1872-м за статую Петра I и бюст цесаревича Николая Александровича, установленный в Санкт-Петербурге, ему присудили диплом академической скульптуры. А с 1890-х монархическая тема стала в его творчестве главной. Одна из самых значительных работ скульптора — памятник Александру II в Кремле.

«Мне кажется, я мог бы вылепить статую покойного Императора, закрыв глаза, до такой степени у меня жив в памяти его образ», — признавался художник, чей проект лично одобрил Александр III. Закладка

А. Опекушин

первого камня на склоне Кремлевского холма, обращенного к Москве-реке, состоялась в мае 1893 года. Строительство длилось пять лет. Освящение памятника проходило в конце лета 1898-го — уже в присутствии Николая II.

Это был грандиозный мемориальный комплекс, состоявший из бронзовой статуи царя-освободителя, шатровой сени и колоннады.

Опекушин изобразил императора во весь рост, в генеральском мундире, порфире и со скипетром. На постаменте выгравировали слова: «Императору Александру II любовь народа». Особую роль в ансамбле играла облицованная финляндским гранитом, украшенная бронзой с позолотой шатровая сень. Она выполнялась мастерами под руководством архитектора Николая Султанова. Ее кровля из вызолоченных, залитых темно-зеленой эмалью бронзовых листов венчалась двуглавым орлом. В сени поместили летопись жизни монарха. Статую с трех сторон окружала большая арочная галерея, на сводах которой разместили 33 мозаичных, выполненных по эскизам Павла Жуковского, портрета русских правителей — от Святого Владимира до Николая I. По фризу колоннады сделали надпись: «Сооружен добротным иждивением русского народа».

Значительную помощь в сооружении оказал генерал-губернатор Мо-

сквы великий князь Сергей Александрович. Памятник был очень популярен у москвичей и гостей Белокаменной. По случаю открытия власти, выпустили специальную настольную медаль, жетон и монету номиналом в один рубль.

Что касается первого опекушинского проекта, посвященного Александру II, то он был осуществлен в 1884 году в Астрахани, в губернаторском саду. Средства на установку выделили городские власти и местное купечество. Бронзовый самодержец предстал в ниспадающей порфире, со свитком «Манифеста об отмене крепостного права» в правой руке. На постаменте выбили лаконичное посвящение: «Царю-освободителю». С той поры и до советских времен площадь, прилегающая к саду, называлась Александровской.

В 1886-м схожие по духу произведения выдающегося скульптора появились в Пскове и Кишиневе. В древнем русском городе инициатива сооружения принадлежала купеческому обществу, ассигновавшему 5000 рублей. Купцы первой гильдии делали взносы по 150 рублей, второй гильдии — по 25 рублей. Для установки монумента жители Пскова и его голова Петр Калашников выбрали Торговую площадь, и 27 июля при большом скоплении народа состоялось освящение и торжественное открытие. Опекушин изобразил стоящего в мундире государя с орденской лентой, накинутой на плечи мантией и цепью ордена Андрея Первозванного на груди. Правой рукой он сжимал свиток манифеста 1861 года, левой — касался державы, лежавшей на небольшой тумбе. На гранитном постаменте — надпись: «Царю Освободителю Александру II», на задней стороне пьедестала — «От псковского купечества». Высокий постамент окружали массивные фигуры двуглавых орлов.

В 1889-м очередное творение Опекушина, посвященное этому государю, появилось в Царстве Поль-

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ОДИНЦОВ/РИА НОВОСТИ

ском, в Ченстохове.

В начале XX века по случаю полувекowego юбилея издания исторического манифеста в России установили новые памятники императору, отменившему крепостное право. И снова без активного участия Александра Опекушина дело не обошлось. Скульптуры мастера появились в Рыбинске (1911), Бутурлиновке (1912), Владимире (1913). На открытии монумента рыбинское общество наблюдало военный парад, торжественное возложение серебряных венков, читало выбитые на постаменте слова: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

А на пьедестале памятника в известной в ту пору на всю Россию торгово-ремесленной слободе Во-

ронезской губернии было начертано: «Благодарные крестьяне сл. Бутурлиновка. 1861–1911».

После Октябрьского переворота «лучшего скульптора России» лишили мастерской, ограбили во время обысков, а после выгнали из дома, в котором он проживал с семьей. Все их сбережения в Государственном банке аннулировали. Опекушин умер в марте 1923-го в глубокой нищете. О последних днях талантливого и самобытного художника сообщала ярославская газета «Крестьянский кооператор»: «Он заживо погребен. Квартира, в которой он живет с дочками, — холодная, одежда у них почти сотлела, валится с плеч. Питание — как бы не умереть с голоду. Отсутствие всех признаков, что здесь живет европейски известный скульптор, автор памятника Александру Сергеевичу Пушкину и ряда других памятников. Догорает жизнь в страшных мучениях великого труженика-ярославца А.М. Опекушина».

К моменту смерти Александра Михайловича о выполненных им статуях царя-освободителя в Советской России напоминали разве только сохранившиеся кое-где постаменты. Последние новая власть понемногу приспособлявала под иные фигуры.

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯТКИН/РИА НОВОСТИ

Фрагмент памятника Екатерине II

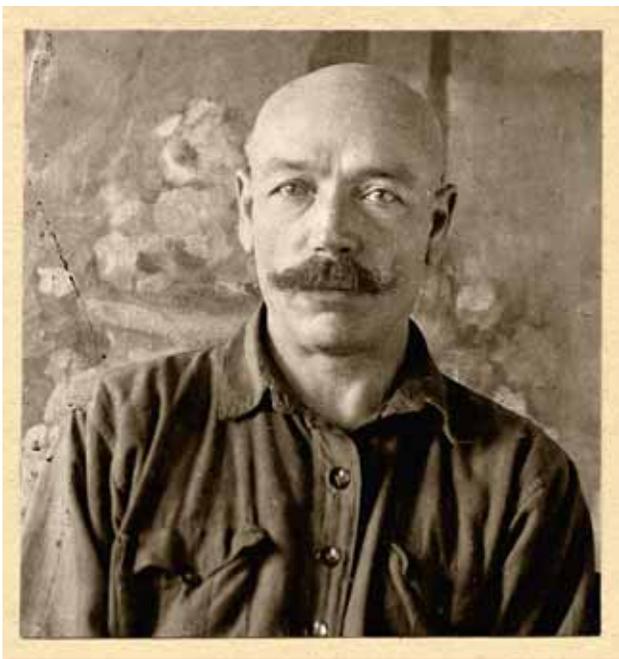

Красный конь полотно не испортил

Кузьма Петров-Водкин — гений парадокса. При жизни его картины вызывали множество споров. Одни называли мастера новейшим декадентом, даже дураком. Другие хвалили, как, например, Репин, не сразу принявший водкинское творчество, но впоследствии признавший: «Талантище». Кузьма Сергеевич говорил о себе: «авантюрист, снедаемый любопытством к жизни». Это, пожалуй, самое точное определение. Именно кураж и любознательность позволили сыну сапожника стать одним из ключевых отечественных художников XX века, совершить синтез традиций европейского Возрождения и русской иконописи. В ноябре 2018 года исполняется 140 лет со дня рождения живописца.

Ксения Воротынцева

СУДЬБА этого выходца из народа могла сложиться иначе. Петрова-Водкина тянуло не только к изобразительному искусству, но и к литературе. Он сочинял повести, рассказы, пьесы, писал мемуары («Хлыновск», «Пространство Эвклида»). В текстах, посвященных провинциальному детству и первым профессиональным шагам, много живых наблюдений, философских, поэтических, даже юмористических строк. Вот как маэстро отзывался о любовных приключениях: «С давнего времени я уже не умел болтать о пустяках, да если и ухаживал за девушками, то делал это грузно, с теориями и поучениями себя и девушек. Воображаю, сколько нудных часов вынесли от меня, может быть, даже интересовавшиеся мною, и

«ДЕВУШКИ НА ВОЛГЕ», 1915

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Скрипка», 1918

ФОТО: ДМИТРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ/РИА НОВОСТИ

«ПОСЛЕ БОЯ», 1923

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БУШУКИН/РИА НОВОСТИ

как они потом меня проклинали за потерянное время».

Впрочем, воспоминания прежде всего ценны галереей народных типов — выведенных с любовью, но предельно откровенно. Мастер рассказывал о первых годах, проведенных в небольшом городке Хвалынске Саратовской губернии: «Вот, очевидно, в это короткое время получил я запасы образов, запасы семян моей родины, от напевов, шепотов, сказов, с утра до постели баюкавших меня, научивших биться детское сердце в унисон с людьми, для которых трудна печальная жизнь, но которые умеют ее заискрить неугасающей любовью к земле и к человеку...» В то же время художник описывает знаменитый холерный бунт 1892 года: убийство доктора Александра Матвеевича, разбой, грабежи. Как и многие творцы той эпохи (в частности, художник Борис Григорьев), Петров-Водкин знал о способности толпы превратиться в дикую, необузданную силу, сметающую все на своем пути. Мастер приводил примеры народных нравов: «Среди свалки раздался крик: «Человека убили». Толпа шарахнулась, осадила в стороны.

Знакомо это мне было: сейчас начнутся вопли женщин, очистится место, на котором в пыли будет лежать серая гряда тряпья с запекшейся кровью.

Знакомо, но непривычно. Мутит, сдавливает дыхание, а деваться некуда... Ничью сторону не возьмешь: мои все они — и опорки и лапти. Я им хочу радости жизненной — они ее заработали веками!

У меня не было жалости, была скорее злорада на дикую разнородность и на несплоченность моих отцов...» В подобных рассказах нет толстовской назидательности: лишь стремление запечатлеть эпоху. Как бы мимоходом Петров-Водкин формулирует творческое кредо: «Потомки наши со временем разберутся от винтика к винтику в событиях; доисследуются до пер-

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

вопричины: почему закипел котел и почему вообще котлы кипят; моя задача — в том, чтоб посылно показать живой материал, из которого строился я и мои одноклассники...»

Столь же неоднозначны были и картины мастера. Еще в Хвалынске будущий художник (тогда — ученик четырехклассного городского училища) познакомился с богомазами, попробовал сам писать иконы: «Первое, что затронуло сильно мое внимание... — это разложенные в фарфоровых баночках краски: они сияли девственной яркостью, каждая стремилась быть виднее, и каждая сдерживалась соседней. Казалось мне, не будь между ними этой сцепленности, они, как бабочки, вспорхнули бы и покинули стены избышки. Это впечатление

от материалов врезалось в меня на всю жизнь. Даже теперь, когда на чистую палитру кладу я мои любимые краски, во мне будоражится детское давнишнее мое состояние от первой с ними встречи».

Правда, отзывы на опыты юного таланта оказались противоречивыми. Бабушка Федосья принесла написанную внуком икону в церковь, однако бабушка отрезала: «Плясовица... Глазами стрекает: святить не буду!...» Позже другая бабушка, Арина, показала образ добросердечному священнику — тот «умилялся над молодым задором изображения». Воплощенные Петровым-Водкиным религиозные сюжеты нередко находили слишком светскими. Маэстро вспоминал о росписи храма в Саратове, со-

зданной вместе с одноклассниками — художниками Павлом Кузнецовым и Петром Уткиным. В ту пору в мире искусства царил модерн, все восхищались композициями Васнецова во Владимирском соборе в Киеве. Молодые люди работали увлеченно, однако результат не понравился ни духовенству, ни прихожанам. Кузьма Сергеевич, избравший «Нагорную проповедь», признавался: «Впоследствии, на суде, духовенство и прихожане среди прочего обвиняли состав слушателей «Нагорной проповеди» в обезьяньем, звероподобном их происхождении и ссылались на удлинённые конечности некоторых из них и на нераскайянные их лица. О нераскайянности лиц не берусь судить, но что касается удлине-

«МАТЕРИНСТВО», 1925

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БУШКИН/РИА НОВОСТИ

ний, если таковые и были, то, может быть, виною их была скудость наших средств, не позволивших разобрать леса во время работы и получить возможность проверить пропорции с расстояния». В итоге росписи решили закрасить: «Так бесславно окончился наш поход на рутину зрительных восприятий низовых масс Поволжья».

Светские картины Петрова-Водкина во многом опирались на традиции иконописи. Это касалось не только знаменитой «Петроградской Мадонны» («1918 год в Петрограде»), но и других работ («Мать», 1913; «Мать», 1915). Сам мастер утверждал: «Раз у русско-го нет влияния иконы, то значит это не русский и не живописец». Однако стиль художника опреде-

лило и западное искусство. Почувшись в Центральном училище технического рисования Штиглица (Санкт-Петербург), а затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, молодой талант захотел новых впечатлений: «Моя живопись болталась пестом о края ступы. Серо и косноязычно пришепетывали мои краски на неопрятных самодельных холстах. Что ферма, что цвет, когда полусонная греза должна наискивать неясный образ? Недодумать и недоощупать — это и есть искусство. Томился я, терял самообладание, с отчаянием спрашивал себя: сдаться или нет, утерплю иль не вытерплю зазыва в символизм, в декадентство, в ласкающую жуть неопределенностей?.. Надо было бежать, хотя бы

временно наглотаться другой действительностью...»

В 1901 году возник авантюрный план: проехать на диковинке — велосипеде — по Европе. Фирма-изготовитель обещала оплатить поездку до Парижа. До французской столицы художник в тот год не добрался, зато побывал в Мюнхене, где учился в знаменитой школе Антона Ашбе, облюбованной русскими живописцами. В 1905-м отечественный мастер отправился в еще один захватывающий вояж — в Италию. Здесь он влюбился в гениев Возрождения: их влияние ощущается во многих картинах Петрова-Водкина. Аллюзию на «Пьету» Микеланджело можно обнаружить в «Смерти комиссара» (1928), которую, правда, некоторые

«СМЕРТЬ КОМИССАРА». ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ. 1927

ФОТО: ПАВЕЛ ГАЛАБОВ/РИА НОВОСТИ

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

считают «анти-Пьетой». А отсылка к «Тайной вечере» очевидна в последнем большом произведении маэстро — «Новоселье» (1937). Кроме того, на Апеннинском полуострове художник пережил мистическое озарение. Первый подобный случай произошел с ним еще в России: «...Когда падал я наземь, предо мной мелькнуло совершенно новое впечатление от пейзажа, какого я еще никогда, кажется, не получал... Я увидел землю, как планету. Обрадованный новым космическим открытием, я стал повторять опыт боковыми движениями головы и варьировать приемы. Очертя глазами весь горизонт, воспринимая его целиком, я оказался на отрезке шара, причем шара полого, с обратной вогнутостью, — я очутился как бы в чаше, накрытой трехчетвертьшаром небесного свода. Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме». В Италии Петров-Водкин решил забраться на дымящийся Везувий. Это приключение перевернуло его мировоззрение: «Сорвали меня с глади и прямизны Эвклида ощущения, пережитые на Везувии. Впереди открывались необъятные просторы». Так возникла теория «сферической» перспективы, получившая воплощение во множестве картин.

Живописец всю жизнь держался особняком и лишь формально принадлежал к художественным группировкам. Чувство обособленности было знакомо ему с ранних лет: «Понял я, что вышел на одиночный поединок с жизнью и что теперь ни близкие мои и никто не может помочь мне в моей борьбе». В 1911 году Петров-Водкин вошел в обновленный «Мир искусства». На выставке, устроенной объединением в 1912-м, была показана картина «Купание красного коня» (1912), имевшая огромный успех. Однако ее автор до конца так и не стал «мирискусником», предпочел роль наблюдателя — свидетеля конца прекрасной эпохи: «В чем обаяние Дягилева, Бенуа, Сомова, Бакста и ближайших к ним людей?

На рубежах исторических переломов возникают такие созвездия человеческих групп.

Они знают многое ценное за их спинами и несут собой эти ценности прошлого. Из пыли истории они умеют извлекать вещи, оживлять их и давать им близкое современное значение.

Они знают неизбежность конца доживаемой ими эпохи, поэтому у них острота романтического скепсиса, волнующая элегичность их настроений. Они — это предреволюционные романтики».

Впрочем, родоначальником соцреализма, как нередко представляли Петрова-Водкина, маэстро тоже не был. О его отношении к советской действительности можно только догадываться, слишком сложны полотна с их многозначными деталями, символами. Художник предчувствовал перемены, с упоением писал о наступлении новой эпохи: «Двадцатый век наступил не просто. Ведь из четырех цифр сорвались

«ПОРТРЕТ АННЫ АХМАТОВОЙ», 1922

ФОТО: АБРАМ ШТЕРЕНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

«ДВЕ ЖЕНЩИНЫ», ЭСКИЗ, 1916

ФОТО: З. КОГАН/РИА НОВОСТИ

с места три: одна из девяток перескочила к единице и два нуля многообещающе расчистили дорогу идущему электромагнитному веку с летательными машинами, стальными рыбами и с прекрасными, как чертово наваждение, дредноутами». И все же после революции его творчество не претерпело серьезных изменений. Мастер не загорелся конструктивизмом, а позже — не увлекся идеализацией действительности. Его картины допускали множество толкований, персонажи вызывали широкую гамму эмоций — от симпатии до неприятия («Портрет В.И. Ленина», 1934). То же «Новоселье» с пустым окладом иконы можно воспринимать как своеобразный перевертыш «Тайной Вечери».

«У ГРОБА В.И. ЛЕНИНА», 1924

Однако реальный смысл работ Петрова-Водкина был сложнее. Художник сформировался на рубеже XIX–XX веков, когда и аристократия, и интеллигенция испытали сильнейшее влияние мистицизма. Порой это доходило до увлечения оккультизмом — можно вспомнить популярность учения Елены Блаватской. Или теорий Николая Федорова, одного из основоположников русского космизма, ставившего целью всеобщее воскрешение. Отношение к революции у многих, в том числе и Петрова-Водкина, тоже оказалось мистическим. Недаром сторонник оккультных теорий Валерий Брюсов горячо поддержал Октябрьский переворот. Умами людей овладела мысль о бессмертии — вечной земной жизни. Ученый и писатель-фантаст Александр Богданов основал первый в мире Институт переливания крови. Исследователь выдвинул теорию о том, что переливание молодой крови способствует омоложению организма, однако погиб во время проведения опыта. Подобное социально-биологическое конструирование было не просто партийной задачей, оно воспринималось на мистическом уровне — как часть божественного замысла. На место потерявшей влияние церкви пришло новое квазирелигиозное учение — с более амбициозными целями. Попал ли Петров-Водкин под его влияние? В любом случае он не мог удовлетвориться простыми линиями евклидова пространства: «Коротка ли человеческая жизнь, но так мало космических неожиданностей дарит природа, их приходится создавать внутри себя, чтоб всколыхнуть застой окружающего, чтоб нарушить привычность».

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БУШКИН/РИА НОВОСТИ

«ЖАР-ПТИЦА», 1918

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Андрей Туполев:

Tu-144

«Не красиво — не полетит»

Андрей Самохин

Судьбы государств в XX веке определяли инженеры и конструкторы. Созданные ими корабли и поезда, самолеты и танки, конвейеры и электростанции давали стране возможность побеждать и развиваться. Среди главных творцов истории — великий авиаконструктор Андрей Туполев. 10 ноября со дня рождения одного из отцов советской авиапромышленности исполняется 130 лет.

78 мировых рекордов

Его моноплан АНТ-1 взмыл в небо на заре существования СССР, а спустя полвека с трехкилометровой взлетной полосы ввысь поднялся созданный в туполевском КБ первый сверхзвуковой пассажирский лайнер Ту-144.

Под руководством Туполева спроектировано свыше 100 типов самолетов, 70 из них пошли в серию. На этих машинах установлено 78 мировых рекордов, выполнено порядка 30 исторических перелетов. На традиционный журналистский вопрос, почему, дескать, он не трудится над мемуарами, Андрей Николаевич однажды ответил: «Я не пишу — я делаю». Смотревший на самолеты как на живые существа, он мог на глаз определить место их приземления, точки напряжения в конструкции, чреватые разломом. А суть авиаконструкторского искусства формулировал кратко и емко: «Не красиво — не полетит».

Один из самых влиятельных людей в СССР, генерал-полковник Туполев умудрился прожить всю жизнь беспартийным, доказав верность стране и народу исключительно трудом, запустив крупносерийное производство легких и тяжелых самолетов.

Он подготовил целую плеяду учеников, в чем-то даже превзошедших своего учителя: Владимира Петлякова, Павла Сухого, Владимира Мясищева, а также «архитектора космической эры» Сергея Королева.

Немало нашлось у него и завистников с недоброжелателями. На таких он просто не обращал внимания. О себе ничего не читал, биографов не привлекал. В деле, напротив, проявлял особую наблюдательность. И, конечно же, природную смекалку. По темпераменту был взрывным сангвиником, обещал порой оторвать какую-нибудь часть тела за небрежно выполненную работу или вранье, мог обручать десятиэтажным (в отсутствие дам), однако злость не копил и никому не мстил. Читал классику, выше всех ставил Достоевского и Толстого, не любил беллетристику и кино; уклонялся от политики, не играл в шахматы и карты, ничего не коллекционировал, до шестидесяти с азартом играл в волейбол. Всю жизнь прожил с одной женой. От тюрьмы не зарекался, ее таки не

АНТ-3. 1925

ФОТО: РИА НОВОСТИ

миновал, но и та не спугнула заслуженную славу.

Сын нотариуса (из сибирских казаков) и дворянки, дочери судебного следователя из Тифлиса, Андрей был в семье шестым ребенком. С детства умел обращаться с плугом, косой, рыбацкой снастью, ружьем, молотом и рубанком. Деревянные

игрушки мастерил себе сам. Позже в гимназии на уроках труда удивлял всех замысловатыми поделками: большим кораблем с полной оснасткой, самодельным шлюзом.

Удачно сдав экзамены сразу в два московских вуза — Институт инженеров путей сообщения и Императорское техническое училище (позже — Бауманский университет), — выбрал второе. Сближение с Николаем Жуковским, организовавшим в ИМТУ Воздухоплавательный кружок, произошло почти случайно. Туполев, забредший тогда на выставку воздухоплавания, позже об этом вспоминал: «Вижу, подтягивают канатом какой-то планер. Я стал помогать и оказался рядом с Делоне, который был учеником Жуковского, а впоследствии стал известным математиком. Он тут же познакомил меня с Николаем Егоровичем. Вот так, взявшись за трос, я и прирос к этому делу».

Вскоре Андрей стал одним из наиболее активных участников кружка и любимым учеником Жуковского. Весной 1911-го учебу и начатые проекты не по своей воле прервал: в Департамент полиции поступил донос о политической неблагонадежности студента Туполева. Последовали обыск, арест, отстранение от занятий и ссылка на малую родину, в деревню Пустомазово.

В советское время он никогда не козырял этим как будто очень выгодным для него фактом биографии, справедливо считая его, ско-

А. Туполев

Ту-2

Ту-95МС

Ту-95М

Ту-22М

рее, недоразумением. Николай Жуковский и директор ИМТУ Александр Гавриленко к тому происшествию изначально отнеслись так же — доказывали жандармам, что у их подопечного просто не было времени на «посторонние дела». Несмотря на хлопоты старших, Андрей более двух лет был вынужден провести в родной деревне, где после смерти отца на плечи молодого человека легло все семейное хозяйство. Тем не менее он не оставлял инженерных штудий: гидродинамические эксперименты в усадебном пруду лягут в основу его дипломной работы 1918 года «Расчет гидроаэроплана».

Откуда крылья растут

Вместе с Жуковским они сооружали испытательный полигон, создавали штаб и кузницу кадров — Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ). В 1920-е Туполев был заместителем начальника института, совмещал руководство в ОКБ с должностью главного инженера ГУ авиапрома Наркомата тяжелой промышленности.

Андрей Николаевич лично проектировал лаборатории, аэродинамические трубы, первый в стране опытный завод цельнометаллических самолетов. Он же организовал производство алюминиевого сплава, аналога дюралюминия — технологию позаимствовали у трофейного «Юнкерса» времен Первой мировой. Без собственного «крылатого металла», который начали плавить в Кольчугино Владимирской области еще в 1922-м, СССР не построил бы авиации.

По инициативе Туполева из системы ЦАГИ были выделены два специализированных института — авиадвигательостроительный ЦИАМ и авиаматериаловедческий ВИАМ.

Машины талантливого инженера-конструктора выходили одна за другой. В 1923-м он создал самолет смешанной конструкции АНТ-1, прозванный «птичкой-невеличкой», а уже через год — первый советский цельнометаллический самолет АНТ-2, годом позже — первый боевой, пошедший в серию АНТ-3 («Пролетарий»), далее — бомбардировщик-моноплан АНТ-4.

Туполев и его команда проектировали, помимо авиатехники, аэросани, а также — глиссеры, ставшие со временем торпедными катерами. На испытания первого советского пассажирского лайнера, опытного АНТ-9, Андрей Николаевич привез семью, чем приятно удивил летчика Громова и всех присутствовавших.

Крылья Родины с годами становились все шире и крепче. Весь мир рукоплескал спасению команды парохода «Челюскин» на АНТ-4, беспосадочным перелетам в США экипажей Валерия Чкалова и Михаила Громова на АНТ-25, высадке научной экспедиции «Северный полюс» во главе с Иваном Папаниным на АНТ-6. Но между славными событиями произошла катастрофа гиганта «Максим Горький» (АНТ-20), ока-

СРЕДИ многочисленных историй о Туполеве есть одна весьма занимательная то ли быль, то ли легенда, произошедшая в США во время встречи с Игорем Сикорским в 1930-х.

Пока в кабинете русского «американца» натагнуто обсуждали развитие мировой авиации (а точнее — покупку для СССР двух приглянувшихся главе советской делегации самолетов-амфибий S-42 фирмы Sikorsky), спутники Андрея Николаевича знакомились с заводом. Внезапно в коридоре послышался странный шум. Громкие возгласы не на шутку встревожили как Туполева, так и хозяина кабинета.

Наконец, через приоткрытую дверь конструкторы увидели своих подчиненных — они пребывали в довольно плачевном виде. У одного был разорван пиджак, у другого наливался свежий сыняк. Сбивчивые объяснения сторон немногословно прервал Игорь Иванович, наливший каждому по полстакана коньяка и велевший выпить в знак примирения. Туполев одобрил идею.

Выяснилось, в цехах советская делегация услышала русскую речь, звучавшую практически у каждого станка. На заводе Сикорского трудились почти сплошь наши бывшие соотечественники, белогвардейцы.

Неизвестно, кто первым произнес что-то вроде «да я тебя через прицел викакса на Перекопе видел», однако полемика быстро перешла в традиционную русскую драку. Пришлось двум великим конструкторам разнимать непримиримых бойцов.

Поездку эту (наряду с другими загранкомандировками) через три года Туполеву припомнят. Будут инкриминировать «вредительскую деятельность», выразившуюся якобы в напрасно потраченных средствах, обвинят в том, что его завербовала западная разведка.

зался сорван трансарктический полет Сигизмунда Леваневского на АНТ-25 — из-за протекавшего маслопровода пришлось возвращаться обратно. Потерпевший фиаско летчик на приеме у Сталина публично обвинил Туполева во вредительстве.

Слушая формулировки следователя — они легли вскоре в основу текста приговора, — Андрей Николаевич невесело усмехался. Осудили его на 15 лет лишения свободы, признав «одним из руководителей террористической деятельностью в контрреволюционной кадетско-фашистской организации, существовавшей в Москве и именовавшей себя русско-фашистской партией». Припомнили «отца-помещика» и неосторожное высказывание по поводу замысла француза Ле Корбюзье, мечтавшего перестроить Москву в конструктивистском духе: «Этак мы забудем, что мы русские! И так уж почти позабыли».

Как бы то ни было, Туполев подписал все обвинения — и во вредительстве, и в шпионаже в пользу Франции. В лагерь его не отправили — сперва отвез-

ли в распрепункт в подмосковном Болшево, а затем трудоустроили на одно из предприятий ЦАГИ, находившееся в здании, которое он некогда строил для своего КБ.

Там имелись такие же кульманы, что и на свободе. Многие прежние сотрудники Андрея Туполева стали заключенными. Им полагались хорошее питание, прогулки, кино по выходным, а также личные номерки, утренняя и вечерняя переключки, общая спальня в дубовом зале, ранее предназначавшемся для приема гостей. Конструкторский труд стал еще более интенсивным. Обо всем этом легендарный конструктор спустя годы выскажется так: «Мы любили Родину не меньше, а больше тех, кто собрал нас, поэтому мы, стиснув зубы, должны были делать первоклассные самолеты».

Державная марка

Начавшаяся война превратила их работу в напряженную битву. Главным детищем ЦКБ-29 или, проще говоря, «Туполевской шараги», стал Ту-2 (АНТ-58), по признанию многих специалистов, лучший фронтовой бомбардировщик Второй мировой. Его с модификациями продолжали выпускать до 1952 года.

Потом было досрочное освобождение. По личному заданию Сталина после войны Андрей Николаевич экстренно готовил к производству бомбардировщик Ту-4, являвшийся копией американской «летающей крепости» Б-29. Это рассматривалось как ответ на возможную ядерную бомбардировку СССР. Туполеву опять вручались награды, присваивались новые звания, его избрали членкором, потом академиком. В 1956-м он стал Генеральным конструктором авиационной промышленности СССР, депутатом Верховного Совета.

Страна была в восторге, а геополитические противники скрипели зубами, узнав о первом реактивном двухмоторном бомбардировщике Ту-16, сверхзвуковом Ту-22, великолепном Ту-95. На базе последнего пытались создать атомолет-бомбардировщик с ядерным двигателем.

К пассажирскому авиастроению Андрей Туполев вернулся с радостью и энтузиазмом. Из его ОКБ выпорхнули первый реактивный пассажирский самолет Ту-104, межконтинентальный (тоже первый) лайнер Ту-114, ближние и среднемагистральные машины — от Ту-124 до Ту-154, ласково прозванные «тушками». Они-то в основном и сформировали развитый и надежный гражданский флот страны, едва не угробленный в 1990-е.

Ну а венцом советского авиастроения стал сверхзвуковой пассажирский Ту-144, «царь-самолет» с журавлиным клювом. После смерти его создателя — в конце 1972-го — работу над проектом завершал Алексей Туполев, возглавивший отцовское ОКБ.

Стоп-кадр

«Дело Румянцева»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Дело Баталова

Николай Ирин

Алексей Баталов давно и прочно утвердился в общественном сознании как символ интеллигентности. Его киногерои, как правило, исполнены достоинства, наделены лучшими человеческими качествами. Зрители любят их за уверенность в себе и верность моральным принципам, цельность натуры и благородство поступков. 20 ноября со дня рождения этого удивительно одаренного артиста исполнится 90 лет.

ЕСТЬ сведения о том, что Глеб Панфилов предлагал ему в конце 1970-х сыграть циничного драматурга-конъюнктурщика Кима Есенина в «Теме». Алексей Владимирович благоразумно отказался, а вместо этого принял участие в съемках картины «Москва слезам не верит». Там и состоялась его последняя классическая роль — Георгия Ивановича, Гоши. «Да, у него получается мужчина, который очень много берет на себя», — комментировала партнерша по фильму Вера Алентова.

Вопрос выбора жизненного пути для него изначально не стоял, в чем он непринужденно, без всякой рисовки (впрочем, как обычно) признавался: «Все до одного мои родственники — актеры Московского Художественного театра». Или — даже так: «Если бы в квартире, где я рос, поставить табуретку, она тоже стала бы актрисой!»

Манера Баталова вызывающе современна. Неизвестно, что стало бы с ним в театре, который требует умения методично форсировать эмоцию, усиливать психологический эффект, наращивать во всех направлениях натиск на дышащую синхронно с артистом публику. Наверное, при необходимости тоже приспособился бы: подобрал броские краски, освоил гротескные приемы с вычурно-ядовитыми интонациями. Некоторые сугубо театральные звезды оставляли на пленке потрясающие свидетельства собственного мастерства, но вот беда — со сменой эпох даже самая гениальная вычурность нет-нет да и обнаруживает некоторую искусственность.

Похоже, Баталов усвоил этот урок отменно: его образцовая уравновешенность и десятилетия спустя поражает не меньше, чем в прежние времена. Он глубоко изучил и ловко приспособил к себе систему Станиславского, однако ему всегда доставало внимательности и душевных сил для того, чтобы — наряду с центральной за-

«Дорогой мой человек»

«Летят журавли»

«Девять дней одного года»

ФОТО: ВАЛЕНТИН МАСТЮКОВ/ТАСС

дачей по перевоплощению — успешно адаптировать персонажа к конкретной физической реальности. Многие мастера по инерции или по незнанию киноспецифики слишком настойчиво обыгрывают перед камерой литературную основу, но Алексей Владимирович значимость материальной среды (вещной составляющей, всего того, что нужно учитывать в каждом конкретном эпизоде) котировал не меньше, нежели важность драматургии.

Тамара Семина, пересекавшаяся с Баталовым в работе над лентой Иосифа Хейфица «День счастья» (1964), впоследствии очень точно отозвалась об особенностях его существования на площадке: «У него лицо гуттаперчевое, и в соответствии с тем, какая сцена тебе предстоит, он меняет свое состояние. Я поэтому сразу, целиком и полностью погружалась в атмосферу того или иного эпизода. Он как гипнотизер».

Откуда такая сверхвнимательность, чем predetermined, обеспечена? Можно с уверенностью сказать, что она следствие психической стабильности и продукт внутрисемейной определенности. Человека не дергали, не «воспитывали», не «регулировали», а главное, не ставили под сомнение правильность его спонтанных эмоциональных реакций. С малых лет он принимал самого себя таким, каким был на самом деле. Следовательно, располагал достаточным количеством психологических ресурсов, чтобы воспринимать окружающую действительность без оценочной истерии, спокойно, а если требуется, то и стойчески. Этим и поражает «типичный» баталовский персонаж в картинах послевоенной поры: твердо встав на земле, он готов пропитать мир оптимизмом, верой и радостью. И

«Большая семья»

«Дама с собачкой»

при этом особо не спешит «задрать штаны, бежать за комсомолом». Алексей Журбин из «Большой семьи» (1954), Саша из «Дела Румянцева» (1956), Борис Бороздин из «Летят журавли» (1957), Владимир Устименко из фильма «Дорогой мой человек» (1958), Дмитрий Гусев из «Девяти дней одного года» (1962) — все вместе они знаменуют чудесный процесс открытия нового героя. Тот силен и светел, внеидеологичен, но — и это главное — обладает огромным внутренним объемом. Баталов играет предельно экономно, а его образы — молодых и как будто не шибко опытных соотечественников — всеобъемлющи.

У этих парней можно учиться напрямую: как, культивируя внешнюю несуетность, наращивать в себе человеческое достоинство. Своеобразный, порой завораживающий голос артиста, плотный, с красивыми низкими обертонами, не вполне характерен для молодых художавых парней. Однако он явный признак психологической укорененности. Баталов сохраняет его до последних дней жизни. Лицо покроеется морщинами, тело подсохнет, но негромкая, вкрадчивая речь будет выражать неизменный status quo: этот мир принадлежит ему, здесь он — дитя любящих родителей, благодарный ученик, народный артист — у себя дома. Алексей Владимирович очень осторожен в оценках и на вопросы о том, кто был его главным учителем, с некоторых пор станет отвечать: «Конечно, жизнь».

В наши дни необычайную популярность получило понятие «эмоциональный интеллект» — способность распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию; умение управлять чувствами, правильно ис-

толковать обстановку и оказывать на нее влияние; интуитивно улавливать то, чего хотят и в чем нуждаются окружающие. Трудно найти человека, который продемонстрировал бы совершенство в этой сфере лучше Алексея Баталова. От его ролей и телевизионных выступлений остается приятное послевкусие, которому нашлось теперь внятное определение. С таким эмоциональным интеллектом легко перевоплощаться и в классического рабочего паренька из «Большой семьи», и в обаятельно-мудрого слесаря из «Москвы...», и в ученого-ядерщика из «Девяти дней...», и в типичного чеховского неврастеника из «Дамы с собачкой» (1960). Революционно настроенный канатоходец Тибул из «Трех толстяков» (1966), забывшийся в кутежах правдоискатель Федор Протасов из «Живого трупа» (1969), приват-доцент Голубков из «Бега» (1970), князь Сергей Трубецкой из «Звезды пленительного счастья» (1975) — на любом материале выдающийся исполнитель сохраняет объем своей реальной личности и в обязательном порядке достигает убедительного, в точности по Станиславскому, перевоплощения.

«Как сделать роль? — рассуждал он, будучи завкафедрой актерского мастерства во ВГИКе. — Станиславский говорил: надо определить, какой гвоздь в голове этого героя».

«Гвоздь» — это социально-психологическая конкретика, а уж более точного артиста, чем Баталов, еще надо поискать. Сохранилось его телеинтервью конца 90-х, той поры, когда отечественное кино откровенно загибалось, не получая ни идей, ни финансирования. Алексею Владимировичу пеняют: мол, давно не снимается. «Где бы вы хотели меня увидеть? —

«Мать»

«Возврата нет»

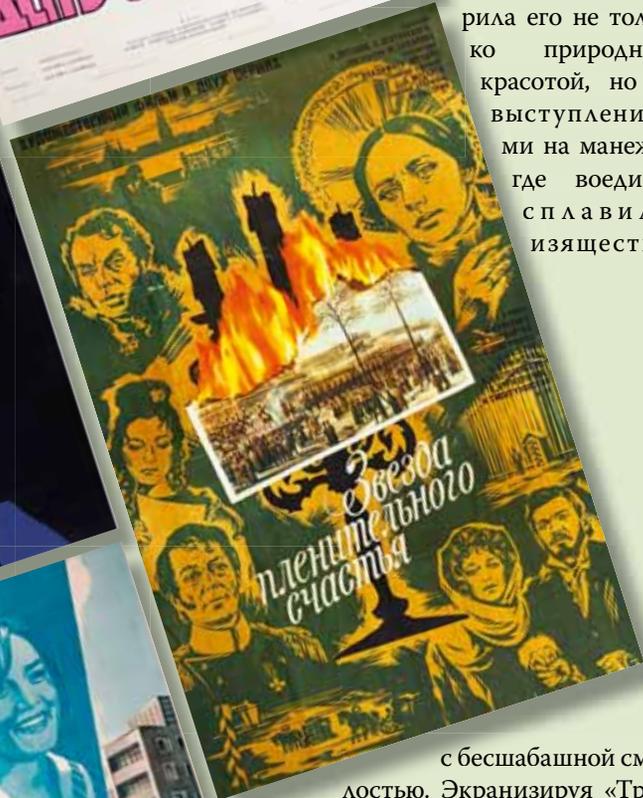
СТОП-КАДР

с легким сарказмом парирует мэтр. — В каком, по-вашему, кино я не снялся?!» Эта реплика и его интонация — сами по себе «гвозди», оседаемая, хотя совсем уже короткометражная профреализация. Почти аналогичны и оставленные им воспоминания — тематически и стилистически завершенные новеллы. Рассказывая про жизнь в эвакуации в годы Великой Отечественной, первым делом отстраненно информирует о том, что вдали от линии фронта располагались госпитали с самыми тяжелыми ранеными; им не суждено было вернуться на поле боя, а зачастую и к нормальной жизни:

«Человек без руки, нет пол-лица. Понимаю, что отдал руку за меня. «За други своя» — именно так я ощущал в 14 лет». А вот дело близится к Победе, возвращается на двух костылях воин, стучится в калитку, из-за которой вываливаются навстречу жена и двое дочерей: «Я увидел Счастье... и никакого значения не имело то, что человек на деревяшке». Повествуя о предельных или даже за-предельных вещах, Алексей Владимирович умудрялся, не поступаясь высоким смыслом, избежать выспренности, начисто вытравливая пафос. Как? Это тайна великого артиста со здоровой психикой.

Именно ему Юрий Норштейн доверил закадровый текст «Ежика в тумане»: «Его голос нужно разливать по пузырькам и продавать в аптеках. Божественный терапевтический голос». А еще, вдохновившись примером зна-

менитого оператора, сотоварища по фильму «Летят журавли», актер решил снимать кино. «Урусевский — только он заставил меня бросить все и снова начать учиться, чтобы получить право стать режиссером! Урусевский стоял против классической школы гениальных русских операторов». Баталову нравились те, кто принимал дерзкие самостоятельные решения — и не одни лишь киношники. Вторая жена, артистка цирка Гитана Леонченко, покорила его не только природной красотой, но и выступлениями на манеже, где воедино спланила изящество

с бесшабашной смелостью. Экранизируя «Трех толстяков», режиссер-постановщик Баталов предписал исполнителю Баталову режим полной достоверности, и вот под руководством жены он каждую свободную минуту тренирует обязательную для Тибула ходьбу по высоко натянутому канату. И при всем этом — абсолютное отсутствие звездной болезни, трезвое понимание того, что подлинная жизнь — не фанфары, не тщеславное само-

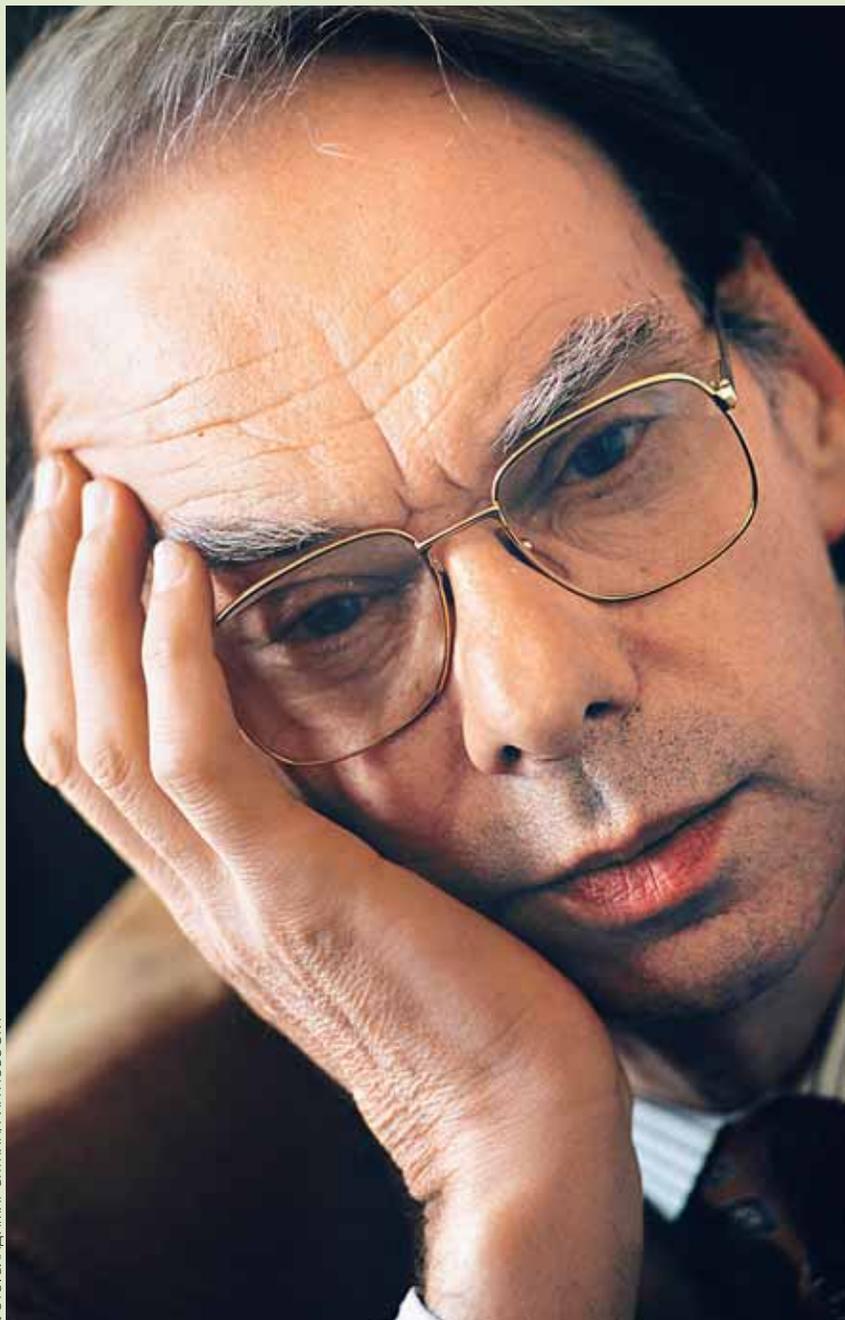

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯТКИН/РИА НОВОСТИ

Баталов, усмехаясь, рассказывал, как менялся статус картины «Москва слезам не верит» после того, как ее посмотрели первые 15 млн зрителей, пятьдесят, восемьдесят миллионов и, наконец — по присуждении «Оскара»...

упоение, а внимательное отношение к работе и паузам в трудовом процессе.

Ирина Купченко, которая была его партнершей на съемках «Звезды пленительного счастья», выделила позже следующее обстоятельство: «Вел себя до такой степени скромно, незаметно, словно актер из массовки». Между тем к середине 70-х его кинокарьера длилась два десятка лет и была полна огромных свершений.

Картину «Москва слезам не верит» отдельные коллеги-кинematографисты поначалу высмея-

ли. Принять историю о нелегком жизненном пути сильной духом женщины, получившей в награду за стойкость интеллигентного слесаря в мужа, «рафинированная», замечтавшаяся о новых социальных горизонтах публика решительно не могла. Приятно видеть выступления Баталова, где он, усмехаясь, рассказывает, как менялся статус картины после того, как ее посмотрели первые 15 млн зрителей, пятьдесят, восемьдесят миллионов и, наконец — по присуждению «Оскара»...

Возвратившись, по сути, к своему раннему репертуару — людям труда, долга, чести, — большой артист актуализировал, ни много ни мало, вечные ценности. В правомерности собственного творческого усилия, а равно в качестве их совместной с Владимиром Меньшовым работы он с самого начала не сомневался. Триумф Гоши и Кати, Баталова и Алентовой, ознаменовал парадоксальную смычку «наивных» народных представлений с предпочтениями изощренного, в известной мере капризного международного жюри.

Оказалось, что высочайший уровень эмоционального интеллекта достижим на разном социальном материале и очевиден внутри любого общественного слоя.

Вот почему Алексей Владимирович, открывший это психоэмоциональное правило еще в середине 50-х (когда смотреть на народ сверху вниз было не принято) добродушно посмеивался, вспоминая о приключениях кассового чемпиона. «Москва...» была, по сути, нашей общей победой над высокомерием и верхоглядством. Артист, прекрасно сочетавший в своем творчестве трезвость ума и радость труда, предметно, чрезвычайно наглядно показывал: человеческая надежность — не роскошь, не экзотика, а неременная производная от психической нормальности.

Трапезная

В одежке без застежки

Максим Сырников

Старинное название этого пирога как бы дает понять: он — наш, русский. Даже его двоюродная сестра кулебяка вызывает некоторые вопросы по части этимологии. К расстегаю их нет, всем ясно без дополнительных пояснений: что-то у него расстегнуто, распахнуто. Он может предстать крохотным, «на один укус», а может и очень большим, но обязательно полуоткрытым. В верхнем слое теста проделывается отверстие, через которое наливается уха, крепкий мясной бульон или грибная похлебка. Благодаря этому пирог отлично пропекается, а начинка остается сочной. Чаще всего для начинки используется рыба. Ее необходимо расположить внутри хотя бы в два, лучше — в три слоя.

СЕГОДНЯ, увы, нет того кулинарного изобилия, какое было в годы творчества Владимира Гиляровского, оставившего нам следующее описание: «Это — круглый пирог во всю тарелку, с начинкой из рыбного фарша с вязигой, а середина открыта, и в ней, на ломтике осетрины, лежит кусок налимьей печени». И все же печь эти русские пирожки получается и в наше время, надо только захотеть.

Расстегай

- 1 кг теста
- 400 г филе нежирной рыбы (судака, окуня, трески)
- 200 г малосольной форели либо лосося
- 2 средние луковицы
- 3 ст. л. постного или топленого масла
- 4–6 ст. л. ухи или крепкого бульона
- соль, молотый черный перец
- 1 желток или крепкий черный чай для смазывания

Малосольную рыбу режем ломтиками. Филе рубим в фарш и обжариваем на среднем огне с одной столовой ложкой масла 3–4 минуты. Снимаем с огня, солим и перчим по вкусу. В оставшемся масле отдельно, и тоже на среднем огне, обжариваем лук, нарезанный тонкими полукольцами, до золотистого цвета (10 минут).

Тесто делим на кусочки размером со средний абрикос. Раскатываем в кружки толщиной 1 см и даем немного подняться (15–20 мин). В центр каждой лепешки кладем ложку фарша, на него — немного жареного лука, а сверху — ломтик малосольной рыбы. Защипываем расстегай так, чтобы сверху оставалось отверстие, в которое наливаем 1 чайную ложку ухи либо бульона. Смазываем поверхность пирожков желтком. Выкладываем расстегаи на противень на некотором расстоянии друг от друга. Выпекаем в разогретой до 180 градусов духовке, до румяной корочки — примерно 15 мин.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

ФОТО: ДМИТРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ/РИА НОВОСТИ

К. ПЕТРОВ-ВОДКИН. «ФАНТАЗИЯ». 1925

Своя

НОЯБРЬ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Варшавы